

A movie poster for the film 'Omout'. At the top, a decorative banner with a wooden texture and ornate metal ends contains the text 'НАШИ ТАМ' in gold Cyrillic letters. The main image is split vertically by a glass pane. On the left, a creature with long, flowing white hair and a grotesque, stitched mouth is shown in profile, appearing to be shouting or roaring. On the right, a man with short, spiky blonde hair and a light beard looks intensely at the creature. He has his hands pressed against the glass, and a splash of green liquid is visible on the pane between them. The background behind the man shows a dark, wooded area with bare trees under a cloudy sky. At the bottom, the name 'СЕРГЕЙ ЯКОВЕНКО' is written in white Cyrillic, and the title 'ОМУТ' is written in large, bold yellow Cyrillic letters.

НАШИ ТАМ

СЕРГЕЙ ЯКОВЕНКО

ОМУТ

Наши там (Центрполиграф)

Сергей Яковенко

Омут

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Яковенко С. В.

Омут / С. В. Яковенко — «Центрполиграф», 2018 — (Наши там
(Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08236-7

Что есть безумство? Спросите у того, кто потерял всё. Что есть отчаяние? Спросите у того, чья жизнь утратила всякий смысл. Но попробуйте дать такому человеку надежду, и он изменит мир... Как-то вечером Николаю позвонили и сказали, что жить дальше незачем. Нет, не так, сказали: «Ваша жена и дочь погибли». То есть их больше нет и никогда не будет. Никогда!.. А ещё сказали, что если умереть правильно, то можно повернуть время вспять. Безумство? Смешно? А вы потеряйте всё!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08236-7

© Яковенко С. В., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Часть первая. Шёпот	6
Глава 1. Гроза	7
Глава 2. Нога	11
Глава 3. Гена	13
Глава 4. Эликсир	15
Глава 5. Утро	18
Глава 6. Час от часу не легче	21
Глава 7. Навсегда	24
Глава 8. Надежда	27
Глава 9. Омут	29
Глава 10. Лето	31
Часть вторая. Пластмассовый мир	34
Глава 11. Погань	35
Глава 12. Жар	37
Глава 13. Пустота	40
Глава 14. Я вас любил...	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Яковенко

Омут

© Яковенко С.В., 2018

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2018

© «Центрполиграф», 2018

Часть первая. Шёпот

Наверное, самое страшное – потерять то, из чего ты состоишь.
Сергей Бодров

Сами по себе мы ничего не значим. Не мы важны, а то, что мы храним в себе.
Рэй Брэдбери. 451 градус по Фаренгейту

Глава 1. Гроза

Мерные взмахи катушки металлоискателя убаюкивали. Сказывались и усталость, накопленная с раннего утра, и августовская духота, смешанная с пряным запахом свежееубранной пшеницы. Даже приятная тяжесть в кармане камуфлированных штанов, почти доверху набитом имперскими монетами, успокаивала. Значит, не зря ехали добрых полтора километра от родного дома, не зря растирали мозоли от безмерного хождения по свежей пахоте. Вот оно – вознаграждение! Тихо позвякивает при каждом шаге.

Я посмотрел на часы. Без четверти пять... Самое время подумать о возвращении к машине, чтобы успеть выехать на трассу до наступления сумерек, а Лёху, как всегда, не видеть. Снова побрёл в кусты-овраги. Любит он это дело.

От раскалённой земли поднимался горячий воздух, искажая линию горизонта. Сильно щурясь от низкого вечернего солнца, с трудом разглядел до боли родной силуэт. Маша шла по полевой дороге, возвращаясь с прогулки на реку. Рядом с ней, припадая носом к земле и размахивая хвостом-маятником, семенил Филька – наш общий любимец и просто хороший друг – ирландский сеттер, которого два года назад жена с дочерью уговорили купить.

Уговорили... Как же! Мягко сказано! Три дня убеждений и шуточных угроз со стороны супруги плавно переросли в неделю всяческих угождений и изысканных блюд на ужин. Юлька же, кроме как «папочка мой любимый» и «самый лучший папуля в мире», никак иначе ко мне в эти дни не обращалась. Мало того, каждый вечер перед сном просила рассказать ей сказку о несчастной маленькой собачке, у которой нет хозяина и которую, по этой самой причине, все бессовестно обижают, гнобят и морят голодом. А окончательно добил загнанного в угол папу коряво нарисованный детской рукой щенок, татуированный на косматом пузе надписью «папин друг». Следующим же утром папа Коля, в тандеме с мамой Машей, ползал по всей квартире с половой тряпкой в руках, приговаривая, что с папами так не поступают, а счастливая Юлька, хохоча и повизгивая, носилась с новым другом из комнаты в комнату, переворачивая всё вверх дном. Так наша семья стала квартетом.

– Ну что, кладоискатель? Где золотой браслетик, который я заказывала? – Маша лукаво улыбнулась, легла на мягкую сухую траву, прикрыла глаза и подставила лицо тёплым лучам заходящего солнца. Светлые волосы блестели, переливаясь всеми оттенками золотистого. Она потянулась и томно выдохнула: – Ох и духота. Парит, что ли? Бедный... Как ты в этом камуфляже целый день выдерживаешь?

– Нормально. Зато мухи не кусают.

– Ну, что там? Показывай! – Маша встрепенулась и с интересом уставилась на меня своими огромными зелёными глазищами, от которых я вот уже десять лет хожу, будто под гипнозом.

– Да так, мелочовка всякая. Монеток надёргал... Как прогулка? Купались?

– Конечно! Филя из воды вытащить не могла. Но когда из-за леса гром ударил, он пулей на берег вылетел и – к тебе. Я его уже возле поля только и смогла догнать. А Лёшка где? Как всегда? – Маша с улыбкой оглянулась по сторонам в поисках Юлькиного крёстного, который вечно забредал со своим металлоискателем в самые глубокие овраги и самые дремучие леса. Даже несмотря на то, что, согласно старинным картам, искать нужно было на поле, неугомного землекопа вечно несло совсем в другую сторону. Желательно в труднодоступную. Но, что самое невероятное, этот вездеход никогда без находок не возвращался. Хоть одну, хоть самую захудалую монетку или пуговку, но добывал.

Я взглянул на небо и только сейчас заметил, что из-за лесополосы быстро надвигается свинцово-серая туча, так напугавшая Филю на пляже. Периодически вспыхивая молниями, она нависала над спелыми полями тяжёлой громадиной, застилала всё пространство до самого

горизонта. Воздух вокруг нас остановился. Он стал густым и неповоротливым, как манная каша. Даже птичьи голоса в нём разносились как-то по-особенному. Они тонули в этой густоте, вязли, терялись.

– Ого! – вырвалось у меня.

– Ага, – в тон мне парировала супруга. – Если Лёшка через пять минут не вернётся, будем куковать в грозу посреди поля. Звони, пусть хотя бы машину откроет.

Дозвониться до кума с первого раза не получилось. И со второго, и с третьего тоже. Абонент был «вне зоны».

– Как всегда, блин, в самую глубокую балку залез, – в сердцах выдохнул я и невольно вздрогнул от неожиданного, пронзительного грохота.

Молния ударила где-то до неприличия близко. Вдали взвыла сигнализацией «девятка» кума. Маша ойкнула и нервно рассмеялась, а Фил подбежал ко мне, прижался к ноге и жалобно заскулил. Я потрепал пса по холке, отчего тот немного осмелел, но всё равно остался переминаясь с одной лапы на другую, не решаясь отходить от хозяина дальше, чем на метр. Густой, потемневший, недвижимый воздух наполнился запахом озона.

Машина стояла недалеко от нас, у окончания лесополосы. И хотя в грозу прятаться под деревьями было небезопасно, мы рассудили, что ждать очередного разряда в чистом поле будет ещё хуже. Уже на подходе к старенькой «девятке» у меня зазвонил телефон.

– Где тебя носит? Прибор под дождём решил утопить? – Я старался говорить дружелюбно, чтобы не обидеть близкого человека, но нервные нотки в голосе всё равно скрыть не получилось. – Ты тучу видел вообще? Надо с поля валить. Если дорогу размочит, ночевать здесь будем.

– Да, блин, пытаюсь из балки выбраться! Спускаться было проще как-то. – На другом конце слышался сдавленный стон: – Да чтоб тебя...

– Ты чего?

– Да это я не тебе. Поскользнулся, блин! Идите к машине, я с брелока замок открою. Прячьтесь. Скоро буду!

– Да мы уже на месте, можешь открывать. И давай булками шевели!

– Добро! Бегу! Думаю, успею.

Через несколько секунд сигнализация дважды пропищала, и замки приветливо щёлкнули, отворяясь.

– Ну, хоть мокнуть не придётся, – с облегчением пропела жена, пропуская вперёд пса и запрыгивая следом за ним на заднее сиденье автомобиля. Очередной разряд, ещё более громкий, чем первый, заставил её вскрикнуть и захлопнуть дверь.

Вначале подул ветер. Пыль на поле всколыхнулась под его порывом и превратилась в серую, стремительно уходящую вдаль волну. Следующий оказался куда более сильным. Он ударил в борт машины, и та качнулась под его натиском. Дождь начался резко. Забарабанил дробью по крыше «девятки» крупными каплями. Эти звуки усиливались при каждом порыве ветра. Лило такой плотной, непроглядной стеной, что мы начали волноваться, как бы Лёха вообще не отыскал место стоянки. Я пытался привлечь его внимание, периодически нажимая на клаксон и моргая дальним светом фар, но толку было мало. Точнее, толку не было вовсе. Стихия была явно громче и сильнее вершины технического прогресса советского автопрома.

Звонить не было смысла. Телефон кума наверняка уже успел промокнуть и вряд ли был способен принять звонок, даже если бы находился в зоне покрытия сети. Оставалось ждать.

Пять минут спустя из-за огромной тучи, накрывшей поле, стало совсем темно. Иногда эту тьму прорезали очереди ярких вспышек, но даже в эти мгновения разглядеть что-либо дальше пяти метров было невозможно. На заднем сиденье суетился и поскуливал Фил, то выглядывая через запотевшее окно, то пряча мокрый нос под тёплыми руками хозяйки.

– Точно заблудился. Уже мог бы вокруг поля оббежать и по-любому машину найти.

– Может, случилось что? А может, наоборот, укрытие какое-нибудь нашёл... Переживает. – Маша, как всегда, старалась увидеть в любой ситуации положительные стороны.

Я же чувствовал, что добром эта гроза не кончится. То ли и вправду чувствовал, то ли ощущал вину за то, что отсиживаюсь в машине, в то время как друг, возможно, попал в беду.

– У него прибор за штуку зелени. Если намокнет, ремонт в такую копейку обойдётся! – Я барабанил пальцами по обшивке двери. – Если бы с ним всё хорошо было, то давно уже в машине обсыхал. Надо искать!

– Да сиди уже! Куда тебя несёт? Не хватало, чтобы и ты ещё потерялся!

– А если и вправду случилось что?

– Коль, – жена сменила тон на заискивающий, – давай ещё пять минут подождём? И дождь уже скоро кончится... Ну, не растает же он, в конце концов!

– Не стыдно? Ты сейчас о Лёхе говоришь, между прочим.

– Я о здравом смысле говорю, Семёнов. Он взрослый мужик и сам способен о себе позаботиться. А у тебя есть дурацкая черта – нянчиться со всеми, как квочка!

– Да, может, он где-то рядом уже, просто найти не может! Всё! Не дуйся тут. Пошёл я.

– Семёнов! – сделала Маша последнюю попытку меня остановить, но, видимо, поняла, что это бесполезно, и смолкла.

Я выложил из кармана телефон, натянул лёгкую куртку и вышел под дождь. Волна мокрого холода моментально хлынула за пазуху, разливаясь струями по шее и дальше по спине. Тут же набросил капюшон на голову, однако и это не спасло. Куртка промокла насквозь ещё до того, как я успел захлопнуть дверцу машины, футболка прилипла к телу.

– Лёха! – Я старался кричать как можно громче, но даже мне показалось, что шум дождя и непрекращающийся грохот забивают голос напрочь.

Прислушался, не кричит ли кум в ответ, но ничего, кроме стихии, расслышать не смог. Под ногами раскисло, подошвы кроссовок полностью исчезли в липкой, чёрной грязи, увеличивая вес каждой ноги на пару килограммов.

Балка, в которой бродил «вездеход», находилась в полукилометре от машины. Если учесть, что с момента последнего звонка прошло минут десять – пятнадцать, Лёха сейчас должен был находиться не более чем в трёхстах метрах. Правда, при условии, что ему удалось вскарабкаться наверх до того, как начал лить дождь и склоны превратились в сплошную трассу для бобслея.

Идти оказалось труднее, чем я думал. Размытый чернозём был скользким, липким и тяжёлым. Ноги то разъезжались в стороны, то вылетали вперёд или назад. Наверное, в других условиях я выглядел бы забавно, но в тот момент веселиться совсем не хотелось. Такая ходьба отнимала немало сил, и я остановился, чтобы немного передохнуть, отряхнуть с подошв налипшие комки и перевести дыхание. Дождь начал лить ещё сильнее, заливал глаза и уже без стеснения забирался под одежду.

– Лё-ё-ха! Ку-у-ум! Э-э-эй! – нараспев выкрикнул я и с удивлением услышал ответ:

– Эй! Я здесь! На склоне! Внизу! Ай, ё! – Лёха выругался, да так сочно, что стало понятно – мат неспроста.

Я рванул на голос и, не удержав равновесия, тут же рухнул лицом в грязь. Не обращая внимания на острую боль, пронзившую правую лодыжку, поднялся и, уже более аккуратно ступая, поспешил на выручку.

Я нашёл его на склоне балки у старого поваленного дерева, которое почему-то раньше не заметил. Хотя выглядело оно колоритно. Острые сучья, уже давным-давно утратившие остатки коры, белели в грозном сумраке глянцевой древесиной, словно кости огромного динозавра. Лёха лежал на спине, сдавливая обеими руками правую ногу чуть выше колена. Он скалился и постоянно матерился.

– Рассказывай! – Шум дождя и нескончаемый гром приходилось перекрикивать.

Лёха скривился, крепко стиснул зубы и часто шумно задышал, стараясь пересилить боль, но не выдержал и снова выругался. Скользя по мокрой траве, устилавшей склон балки, я приблизился к куму и попытался осмотреть характер травмы. Сначала я был практически уверен, что это либо вывих, либо перелом, но когда присел, понял – всё обстоит гораздо хуже. И что делать дальше, в голову не приходило совершенно.

Глава 2. Нога

Кума я всегда знал как энергичного и жизнерадостного человека. И этой позитивной энергии в небольшом рыжеволосом человеке было столько, что она попросту не вмещалась в нём и выплёскивалась в неприличных количествах на окружающих, создавая атмосферу веселья и радости. Будь ты даже в самом подавленном настроении, обременённый массой забот и проблем, но, пообщавшись с Лёхой, приходишь в бодрое расположение духа, будто заряжаясь его активностью под завязку. Казалось, никакие передряги не могут выбить его из колеи тотального оптимизма.

Взять хотя бы случай, когда он позвонил мне поздним вечером и, перекрикивая громкую музыку, принялся рассказывать, что его сократили с работы и жить теперь будет не на что.

– Всё, кум, отработался я, отслужился! Финита ля... как говорится! Работа нэт, дэнги нэт. Что теперь делать, ума не приложу. Но, Коляныч, какой это кайф! Ты представляешь? Я теперь свободный человек! Абсолютно свободный! Давно хотел найти себе интересную работу! Таковую, чтобы с удовольствием! Понимаешь? Таковую... ну, чтобы «ух»! Чтобы «ого-го»! И вообще, бизнесом займусь. Во! Точно! У меня идей куча, Коляныч. Куча! Приезжайте с Машкой в «Иву», я сейчас здесь праздную! – И так далее...

Он всегда вдохновлялся новыми интересными идеями, всегда был чем-то увлечён и с радостью делился этими увлечениями. Причём со всеми. Собственно, свой металлоискатель я как раз и купил благодаря куму. Заразил он меня, так сказать.

Сейчас же на мокрой, жухлой траве передо мною лежал несчастный, испуганный, корчащийся от боли человек, слабо напоминающий того, о ком я только что рассказал. Вся его одежда была мокрой и грязной, поэтому я не сразу заметил кровь, пропитавшую правую брючину. Одна из голых ветвей старого дерева, не менее трёх сантиметров в диаметре, вонзилась острым концом под левое колено.

– Что там, Коля? – хрипло, сквозь зубы спросил Лёха, глядя на меня исподлобья и не замечая потоков дождевой воды, заливающих глаза. – Говори как есть! Хреново дело?

– Могло быть хреннее, – честно ответил я.

И в самом деле, упали он чуть менее удачно – и вместо ноги ветка могла пробить шею или живот.

– Из меня теперь можно шашлык жарить. Как эта часть у хрюшек называется? Окорок? – Он попытался засмеяться, но взвыл от боли и на мгновение замер. – А если чуток подольше полежу, то хамон получится. Ты любишь хамон, кум?

Тут уже и я не сдержался, позволив себе засмеяться. У Лёхи даже в таком положении получилось разрядить обстановку, снять мой ступор, вызванный шоком от увиденного. Всё-таки он – настоящий источник позитива. Понемногу в голове начали возникать идеи, но каждая отбрасывалась в сторону, каждая оказывалась либо слишком рискованной, либо абсурдной.

– Слышь, хамон, у тебя топор в машине есть?

– Не-а, нету. Но даже если и был бы, не признался бы. Ты головой-то думай, кум! Я тут кони двину, если ты эту ветку рубить начнёшь!

– А у тебя есть другие идеи?

– Попробуй меня подмышки взять и вверх дёрнуть. Только это... – Он перевёл дыхание. – Ты там поаккуратнее как-нибудь. Хорошо? Любя. Я же твой кум как ни как. Не чужой вроде.

– Сначала нужно ногу ремнём перетянуть, чтобы кровотечение было не сильным. Сейчас оттоку мешают палка, но когда её вытащим, хлынет. Не успею до больницы дотащить. Рана слишком большая, кровью истечешь.

– Сдурел? Мне это бревно до самой жопы встряло! Ещё пару сантиметров – и я девственности лишился бы, блин! Как ты собираешься ногу перетягивать, если в ней от колена до жопы вторая кость выросла?

Я присвистнул и ругнулся.

– Ты уверен?

– Коля, я не был бы так уверен, если бы не было так больно. – На этот раз Лёха заговорил с хорошим одесским акцентом. – Давай быстрее что-то делать, а то я скоро покончу в себя или наложу себе в руки от болевого шока! Кум ты мне или где? Давай спасай скорей!

Совсем рядом сверкнула молния и почти сразу громыкнуло. Я стоял, глядя на Лёху, и тщательно взвешивал каждый шаг, который предстояло проделать. Ошибка могла дорого стоить. Машина отсюда в полукилометре, на дороге – грязь, выехать по размытой грунтовке на трассу точно не получится. Тем более я не умею водить. Есть такой грешок. Скорая помощь? Сюда не проедет. Да и рискованно рассчитывать на то, что вообще кто-нибудь приедет на подмогу в такую грозу. Нужен трактор!

– Коля, твою мать! – Лёха уже кричал во всё горло. – Ты будешь что-то делать или нет? Не могу больше!

– Да подожди ты!

– Не могу!!! – Он снова выругался.

– Нужен трактор, чтобы тебя отсюда вывезти.

– К хренам трактор! Сначала занозу эту долбаную вытащи!

– Да я тебя до больницы дотащить не успею! Как ты не понимаешь? Ты кровью истечёшь раньше! Надо в деревню идти, трактор искать! Только так, кум! Надо потерпеть!

Внезапно Лёха будто забыл о боли, отдернул одну руку от колена, схватил меня за ворот куртки и с силой дернул на себя. Такого отчаянного страха в его глазах я не то что никогда прежде не видел... даже мысли не допускал, что мой кум вообще может впасть в отчаяние. Нижняя челюсть тряслась, на глазах выступили слёзы. Некоторое время он просто молча смотрел на меня, будто обдумывая, говорить или нет, а затем медленно и внятно сказал:

– Там... в балке, внизу – болото. Оно это... Шепчет оно, в общем. Воеет, Коля. Я его и сейчас слышу. – Он обвёл взглядом верхушки деревьев, что росли вокруг нас, а потом снова посмотрел на меня и замотал головой. – Не бросай, кум. Одного не оставляй. Что хочешь делай, только не бросай. Помру, если уйдёшь. Оно только этого и ждёт, понимаешь?

Мне вдруг стало отчаянно жаль Лёху. Даже ком к горлу подкатил, а в носу защекотало. Он, конечно, был в шоке. Он был напуган. Может, даже сам не верил в то, что говорил. Просто выдумал и рассказал первое, что в голову пришло, чтобы я его одного не оставлял. А что ещё может прийти в голову в таком положении? Только чушь.

Я положил руку ему на плечо и, глядя в глаза, сказал:

– Не бойся, кум. Не брошу. – Хотя сам при этом не представлял, что буду делать дальше.

Я ругнулся и, стараясь не поскользнуться на мокрой траве, вскарабкался по покатоному склону к голове кума. Подхватил его под плечи, нашёл хороший упор для ног и сделал глубокий вдох, собираясь с силами для рывка. И вот уж чего не ожидал, так это прикосновения чьей-то руки к собственной шее! У меня за спиной кто-то был...

Глава 3. Гена

– Загораем, мужики? – После Лёхиного мистического откровения, пусть я его всерьёз и не воспринял, этот бодрый низкий и, главное, нормальный человеческий голос звучал просто как благословение какое-то! Крупный усатый мужик неопределённого возраста в зелёном клеёнчатом дождевике неуклюже пытался удержать равновесие на крутом скользком склоне, крепко ухватившись одной рукой за мою шею, а другой неловко жестикулируя в воздухе. – Ну, чё тут? Помощь нужна или как?

– Спрашиваешь! – воспрянул я духом, не веря в такую удачу. – Ему к врачу надо!

Мужик присел на корточки, присмотрелся к Лёхиной травме и спокойно, будто каждый день видел подобное, пробубнил:

– Жить будет. – Затем усмехнулся, хлопнул Лёху по плечу, отчего тот взвыл, закусывая губу, и весело прогорланил: – Заштопают, будешь как новенький, ёлы-палы! Только ты мне больше такого не показывай, а то могу в обморок грохнуться. Будете потом ещё и меня вытаскивать.

Он подошёл поближе, бесцеремонно отодвинув меня в сторону и ухватил Лёху под плечи. Я хотел было тоже взяться, но тот снова оттолкнул меня и пробасил:

– Ну, какого лешего лезешь, ёлы-палы? Иди давай за ветку хватайся. Я живца этого тащить буду, а ты её родимую на себя дёргай. Может, и соскочит... Так, дёргаешь на счёт «раз», понял? А ты давай терпи, братуха! И постарайся ногу расслабить, так легче пойдёт. Ага? Ща всё будет шоколад, ёлы-палы! Держись!

Когда мужик начал обратный отсчёт, я уже держался за злополучную ветку, глядя на бледное Лёхино лицо. Сердце безудержно колотилось, руки дрожали, несмотря на то что изо всех сил сжимали скользкое дерево.

– Три! Два!..

Команды «Раз!» я так и не расслышал. Её заглушил Лёхин вопль, разбавленный отборным русским матом. Он рычал и корчился ещё не меньше минуты, пока я колдовал над его ногой, перетягивая ремнём рану. Жгут получился так себе, но сильного кровотечения не было. Я мельком оглянулся на огромную занозу и невольно передёрнулся. Ощущения кума не подвели: острый, обломанный сук вошёл в бедро по самое некуда, а то, что удалось его выдернуть с первого раза, казалось просто невероятной удачей.

Дождь наконец пошёл на убыль, и мы, немного переведя дыхание, волоком потащили раненого вверх по склону. Лёха старательно помогал, отталкиваясь здоровой ногой и шумно кряхтя, а уже на вершине я впервые услышал *то*, что так сильно его напугало.

Сначала это было похоже на шёпот. Еле уловимый. Он то усиливался, то становился тише. Будто волны, накатывающие на берег. Но каждая волна была громче и отчётливее прежней. Постепенно шёпот стал напоминать душераздирающие вопли. Но вопли эти тоже были не слишком громкими. Создавалось впечатление, что их источник находится вокруг нас, пребывая в постоянном движении. Перемещается, кружится, парит. Волна, ещё одна. Через некоторое время вопль пошёл на спад и снова стал превращаться в шёпот. Будто кто-то прокручивал аудиозапись в обратном направлении на низкой скорости. Казалось, я вот-вот смогу разобрать слова, да только это никак не получалось.

На мгновение мне почудилось, что это происходит только в моей голове и никакого звука на самом деле нет и быть не может, но тут я посмотрел на Лёху и понял, что слышу *это* не я один. Кум тоже озирался по сторонам, блуждая взглядом между чёрными стволами деревьев, которыми густо поросла глубокая балка. Лицо усатого мужика сделалось беспристрастно серьёзным, но он либо не слышал того, что слышали мы, либо делал вид, что не слышит.

Видимо, я замешкался, потому что Гена, так звали нашего неожиданного спасителя, хлопнул меня по плечу и бодро скомандовал:

– Давай, мужики! Последний рывок – и будем дома! Навались!!!

Мы наконец вытащили Лёху на ровную поверхность и, обессиленные, распластались рядом с ним на траве. Переведя дыхание, я снова попробовал прислушаться к странным звукам, но больше ничего необычного не уловил.

Дождь прекратился также резко, как и начался. Глухие раскаты грома отдавались теперь гулким эхом где-то вдалеке. С деревьев падали редкие крупные капли и бесшумно таяли в мокрой траве.

– Чтоб вы сто лет жили, мужики, и горя не знали, ёлы-палы... – тяжело дыша, прохрипел Гена. – Вот ты скажи мне, деревянная нога, на кой хрен тебя в эту яму вообще понесло, а?

Лёха не отвечал. Да и мне не хотелось ничего никому объяснять. Мы просто лежали и смотрели в небо, по которому в сумерках неспешно плыли ватные тучи. Смеркалось. И даже очищающееся небо не спасало от надвигающейся темноты.

Гена оказался местным комбайнёром. Он жил в деревне в паре километров от злополучной балки и заметил нашу машину ещё до того, как ударила гроза.

– Ну, а у добрых людей как водится? Если попал кто в беду, помоги. Вижу, в поле стоите, а тут такое с реки находит! Значит, после такого дождя на своей тарактелке точно застрянете. Бывало, и на узиках застревали! Тогда только трактором и тянули. А тут на «зубиле»... Куда там! – Он многозначительно махнул рукой.

Старый Т-16, гремя каждым болтом, уверенно шёл по раскисшей пахоте в сторону трассы. Мы с Лёхой полулежали в кузове на мокрой соломе и слушали через разбитое стекло кабины воодушевлённого Гену. Уставший двигатель трактора громко ревел, и мужику приходилось кричать, чтобы мы могли хоть что-то расслышать.

– Так я комбайн загнал, а сам – на трактор и к вам. Как задницей чуял, ёлы-палы! Вчера только мотор запустил первый раз после капиталки. Месяц разобранный стоял! Хотя, если б знал, что так лить будет, переждал бы, не ехал... Хотел даже на полпути назад развернуть. Но, чую, надо, и всё тут! Хоть тресни, а надо! Вот как так? А? Шестое чувство? Или как? Видели кино? Там этот лысый... как его? Ну, «крепкий орешек» этот... Видели, да? Ну вот! Вот те и не верь! Так я – к машине, а там баба с собакой. Перепуганная вся, волчонком на меня глядит. Ушёл, говорит, муж товарища искать, и показала, куда пошёл. А сама двери захлопнула и замки позакрывала. Может, думала, я маньяк какой или ещё какая нечисть. Сейчас кого только нету, идиотов хватает. – Гена засмеялся. – Вот я по следам вас и вынюхал. Такие дела, ёлы-палы, такие пироги... – Он посмотрел на Лёху, который морщился каждый раз, когда трактор наезжал на кочку или попадал в канаву. – Ничего, братан, терпи! Сейчас на трассу выскочим, а там до посёлка не далеко. С ветерком, как говорится. Там у нас больница есть. Тёща моя главврачом работает... Старая зараза, но без неё больница – не больница. Как сама заболит, на больничный уйдёт, так всё! Конец света! Паника у всех! А сейчас она как раз на смене. Всё в лучшем виде организует. Будешь как новый, ёлы-палы!

Лёху тем же вечером на «скорой» увезли в райцентр. Я всё поторапливал Гену поскорее вернуться к машине, очень волнуясь за жену. Из головы не выходили странные голоса, и всю обратную дорогу я пропускал мимо ушей бесконечные шутки и байки, коими Гена фонтанировал без умолку. Жутко было представить, как Маша, сидя в темноте, в застрявшей посреди поля машине, не имеющая понятия, куда все исчезли, начинает слышать этот шёпот. Ещё страшнее было представлять, как Маша, не выдержав ожидания, выходит из машины и идёт в сторону этой чудовищной балки на поиски нас с Лёхой...

Глава 4. Эликсир

Слабый свет тракторных фар долго не позволял разглядеть машину. Хотя, судя по силуэтам деревьев, растущих вдоль поля, мы уже были совсем близко от места стоянки. Я сосредоточенно всматривался в темноту, постоянно потирая Гену. Постепенно места стали узнаваемыми, и наконец показалась «девятка». Двери закрыты, окна запотели, свет в салоне не горит.

Трактор несколько раз чихнул на холостых оборотах и затих. Я спешно спрыгнул на землю и почти бегом, насколько позволяла грязь под ногами, поспешил к машине. Жена не выходила, и на мгновение у меня внутри всё похолодело.

«Только бы не ушла! Только бы...»

Я рванул на себя заднюю дверцу, в салоне зажёгся свет, и гора рухнула с плеч. Маша сидела, вытянувшись по струнке, с ровной, как у истинной английской аристократки, спиной и сцепленными в замок руками. По лицу обильно текли слёзы. Она зажмурилась и закусил губу, стараясь не разрыдаться в голос. Я упал перед ней на колени, прямо на землю, обнял и прижался к тёплому животу. Долго так стоял, вдыхая её запах. Рядом на сиденье мирно сопел Фил.

– Где Лёша? – немного придя в себя и шмыгая носом, тихо спросила Маша.

– С ним всё хорошо. Уже хорошо. Он ногу поранил, пришлось срочно везти в больницу. Прости, времени не было совсем. Надо было срочно...

Она обняла меня за голову, сильно прижала к себе, громко всхлипнула и, на этот раз не сдержавшись, всё же разрыдалась.

– Коль, я тут места себе не находила. Три! Часа! Кошмара! – Каждое из этих слов она произнесла по отдельности. – Сначала гроза, потом тракторист этот перепугал до смерти. Потом уже и гроза кончилась, стемнело, а вас всё нет и нет... Что я должна была думать? Какие только мысли в голову не лезли! Ты без телефона... Сажу и вообще не представляю, что делать! Или вас идти искать, или... А тут ещё и Фил выть начал. Я думала, с ума сойду, к чертям собачьим! – Она снова расплакалась.

Я стал её успокаивать, приговаривая, что всё уже кончилось, что всё позади. Скоро она притихла, отдышалась и теперь только чуть заметно покачивалась взад-вперёд, изредка шмыгая носом и всхлипывая. Я гладил её по спине и пытался отыскать в своей голове то обещание, которое обязан был дать, чтобы никогда больше не допустить подобного.

Никогда. Странное слово... Страшное. Той ночью я впервые всерьёз задумался над ним. Над тем, как много в нём кроется. И впервые его испугался. Никогда...

Водить машину ни я, ни Маша не умели – своей никогда не было. Прочитав краткий инструктаж о езде на буксире, Гена дотащил нас до деревни и предложил переночевать, а о том, как перегнать машину в город, подумать утром. Время подбиралось к полуночи, и хозяин суетился, накрывая на стол в гостиной быстрый ужин, в то время как его жена, грузная и молчаливая женщина по имени Варя, увела отказавшуюся от ужина Машу в спальню. Когда количество яств перевалило все мыслимые пределы, Гена водрузил на стол огромную бутылку мутноватой жидкости. Он щелбанул по стеклу и торжественно провозгласил:

– Сейчас будешь впервые в жизни кушать самый настоящий эликсир молодости, ёлы-палы! – Он, будто фокусник, изъяс непонятно откуда две внушительные стопки, громко стукнул ими по столу и, тыча указательным пальцем в потолок, заговорческим тоном добавил: – Собственного приготовления!

Я отказываться не стал. После пережитого днём хотелось расслабиться.

– Эликсир так эликсир, – согласился я.

Первый тост был, конечно, за знакомство. Напиток и в самом деле оказался неплохим. В меру крепким, с лёгким оттенком трав. Запаха самогона вообще слышно не было. Закуску самостоятельно выбрать не получилось. Гена стал подсказывать, чем и в какой последовательности нужно закусывать его фирменный эликсир. И, скажу я вам, в этом был определённый резон.

Первые пол-литра были употреблены под бесконечные истории о нелёгкой, но правильной деревенской жизни.

– Ну, вот что ты видишь в этом своём городе? Квартира в четыре стены? Дом, метро, работа, метро, дом... И так каждый день, ёлы-палы! Вот и несёт вас потом на всякие приключения. Ищите себе на бошки неприятности... А всё отчего? Да оттого, что душевности в жизни не хватает. Изюминки нету! Настоящего хочется! Живого! Как вы там у себя в городе это называете? Экстрим? Экстремалы, ёлы-палы. Ну что? Скажешь нет?

Я улыбался и в чём-то был согласен с этим человеком. Хотя, если честно, он был далеко от истины. По крайней мере, в поля мы не за экстримом ездили. Возможно, за романтикой, но не за острыми ощущениями – это точно.

– А у меня? – Гена сделал благодное лицо и развёл в стороны крупные ладони. – Ёлы-палы! Тут тебе и лес, и река под боком, и воздух свежий, безо всяких этих заводов и машин... Нет, ты знаешь, какая у нас тут рыбалка? Знаешь, какая рыбалка, Коля?! Ты такой рыбы сроду не ловил! Да что там не ловил – ты не видел такой рыбы никогда, ёлы-палы! Хоть завтра утром можем рвануть! А? У меня сижка всегда прикормленная. Любишь рыбачить? А если нет, то грибы! – Он пододвинул ко мне тарелку с маринованными маслятами. – Пробуй! Нет, ты пробуй, пробуй! И потом мне скажешь... Я в лесу такие места знаю! Устанешь собирать!

Я наколол на вилку гриб, положил в рот и изобразил на лице благодное удовлетворение. Гене этот ход пришёлся по душе. Губы под усами растянулись в довольной улыбке.

– Вот хороший ты мужик, Колян! – Видимо, эликсир делал своё дело, и беседа незаметно перешла в разряд задушевных. – И кум твой хороший. Вот были бы все хорошими... Вот, чтобы по совести всё! Глядишь, и жить стало бы легче. А? Эх... Давай ещё по одной, ёлы-палы! – Он разлил по стопкам, и очередная порция зелья разлилась теплом внутри. Гена закусил огурцом и с какой-то внезапной грустью в глазах уставился на меня. – Вот скажи мне честно, Коля, какого лешего вы в том яру делали? Только честно! – Он смотрел на меня, продолжая жевать огурец и не отводя пытливого взгляда.

Мне хотелось отшутиться. Мол, забрели по глупости, случайно всё вышло... Нет, не потому, что хотел скрыть от Гены своё безобидное хобби. Конечно, все эти поиски монет по полям в глазах честного деревенского работяги выглядели по меньшей мере смешно. Зачастую сельские жители воспринимали наши хождения по полям как ребячество, не более. Поначалу проявляли интерес, конечно. Расспрашивали, рассматривали находки. Но убедившись, что стоимость найденных «сокровищ» не превышает стоимости килограмма картошки в базарный день, ухмылялись, желали удачи и шли заниматься своими делами.

И я промолчал. Просто мне показалось, что это не так уж и важно. Но по его взгляду понял, что отмолчаться не получится и что вопрос этот был задан не из праздного любопытства. Поэтому рассказал всё как есть. Всё от начала и до конца. Даже о шёпоте с воплями упомянул. Вскользь, конечно. Как бы между прочим. Чтобы не сойти за сумасшедшего. Ждал, что Гена засмеётся или хотя бы ухмыльнётся. Но тот тяжело вздохнул, глядя куда-то в сторону, неторопливо дожевывая краюху хлеба и тихо, будто боясь, что кто-нибудь услышит, сказал:

– Вы, Коля, лучше не ходите к тому болоту. И к тому яру не ходите. Ты вот человек городской, современный. Молодой, ёлы-палы. Наверное, с высшим образованием и в глупости разные не веришь, да? Но коли мы с тобой так сидим и по-дружески беседу ведём, то ты меня послушай дурака. Я тут с рождения живу. И батя мой тут жизнь прожил, и дед. И потому всё тут про каждую травинку знаю, про каждую канавку. И всё тут хорошо, Коля. Да только

болото то, возле которого друга твоего ранило, плохое. Злое оно. Зло там, понимаешь? – Он украдкой оглянулся на дверь, ведущую в спальню, затем продолжил ещё тише: – Если б жену твою в машине перепуганную не увидел, хрен бы я за вами в тот овраг полез. Десятой дорогой его местные обходят. А я так вообще сто десятой. Пожалел я твою Машку. Ну а потом смотрю: мужики вроде, будь здоров... Не бросать же. Сами не выбрались бы. Там бы и остались. Забрало бы оно вас. Затянуло. – Он разлил по стопкам, поднял свою и сказал: – Давай за твоего кума? Пусть выздоравливает. Дай ему Бог.

Гена о чём-то крепко задумался, громко сопя. Его слегка качало, глаза затянула пелена. – Я тебе расскажу... Вот, только тебе! – Он икнул. – Я в том болоте мальцом утонул.

Мне показалось, что я неправильно расслышал или неправильно понял, а Гена, как ни в чём не бывало, развёл руки в стороны, пожал плечами и снова икнул.

«Ну, значит, не совсем утонул, – подумал я и тоже икнул. – Утопленники так не бухают».

– Да! Утонул. Утоп! Не-е-е! Ты не думай! По-настоящему утоп, Коля! Захлебнулся с концами. Помер, значит! Совсем! Помню, как воду вдыхаю – и всё... Алес, капут! А потом очнулся у себя в саду, за огородом. Ночь, ёлы-палы... Лежу, весь в болотной тине, ещё хрен знает в чём. Грязный как чёрт. Вонючка от меня болотом... страшная! Во рту ила полно, – он демонстративно поморщился, – и вырвало меня водой этой вонючей тут же. Отсиделся, отдышался и домой пошёл. Захожу во двор, а из дома дед мой на крыльцо выходит и козью ножку скручивает. А я на него смотрю и в штаны ссусь. Ссусь, Коля! По-настоящему! Потому что дед мой уже полгода, как в могиле лежать должен. Помер он. Рак у него был. Да я сам на похоронах его мёртвого в гробу видал! Баба тогда так рыдала, что еле откачали валидолом. А тут на тебе – закуривает! – Гена взял бутылку, налил себе и молча выпил. – Целый год я по второму кругу прожил. На год назад меня то болото вынесло. Живу и целый год о всех всё знаю – с кем что будет, с кем чего случится. Знаю, что соседку Верку фельдшер обрюхатит, что родит она от него двойню. Про урожай тоже знаю, что картошка в том году крупная будет, а яблочко, наоборот, мало. Рассказываю – не верят. Потом сбываться начало. Меня бабка в церковь на причастие сразу потащила. Про деда только не говорил никому. Боялся его – жуть! Хожу и знаю, что он мёртвый, ёлы-палы. Ночами спать с ним в одном доме боялся. Особенно когда рак его донимать начал. Кашляет всю ночь до утра, не спит, хрипит, по дому ходит, а я боюсь! Накроюсь одеялом с головой и Богу молюсь, как бабка научила, – Гена тяжело вздохнул, – а потом пережил тот год, дед таки помер, на болото больше не ходил, и вот – живой до сих пор... Женился. Детей вон двое, на печке сопят. Хорошие ребяты. Дай им Бог.

Я слушал Гену и не знал, как реагировать на эти байки. То ли он и вправду верил во всё, что рассказывал, то ли просто попугать решил залётного городского. Кто его, пьяного, знает? Я ему в любом случае не мог поверить. Да и как вообще в такое можно поверить? Не в Голливуде же мы, в самом деле, с ним бухали. Это у них там, за океаном, все сказки сбываются. Что ни кино, то путешествие во времени или «шестое чувство» какое-нибудь. Тут всё просто было. Вот тракторист с бутылём самогонки, вот его дом – чистый и уютный, а вон там, за полем – овраг с болотом на дне. И не было никаких призраков, машин времени или ещё какой-нибудь потусторонней ереси. Разве что шёпот этот покоя не давал. Но в такую грозу и не такое почудиться может. Да и чудес всяких в мире хватает. Кто его знает, может, это какое-нибудь природное явление? Вроде огоньков на болотах или НЛЮ. Бывает же такое? Бывает. И при желании всё просто объясняется. Просто – это когда логично. А то, что говорил Гена, ни в какую логику не укладывалось, ни в какие нормы не вписывалось.

Хотелось спать. Усталость, плотный ужин и выпитое валило с ног. Смутно помню, как добрался до кровати. Помню, что обнял тёплую Машу, прижался к ней, зарываясь лицом в ароматные волосы, и постарался безуспешно поймать за хвост последнюю мысль: «А где же этот Лёхин металлоискатель за штуку зелени, если мы его пустого наверх тащили?»

Глава 5. Утро

Утро встретило головной болью, ярким солнцем, бьющим через незашторенное окно спальни, и невыносимой жаждой. Маша ещё спала, отвернувшись к стене, и я решил пока её не будить. С трудом оторвавшись от подушки, вышел в гостиную, но никого из хозяев там не обнаружил. Видимо, воскресное утро в деревне такой же выходной, как и у горожан. Спят ещё. Уж Гена точно спит... Это была единственная мысль, пришедшая в тот момент в чугунную голову. Всё остальное пространство в ней занимали инстинкты выживания, а они назойливо подсказывали, что если я сейчас же, очень быстро не найду какую-нибудь жидкость, то до вечера просто не доживу.

Как назло, остатки вчерашнего пиршества были убраны, и на столе, кроме вазы с полевыми цветами, ничего не было. Нет, из вазы я, конечно, пить не стал, хотя другой воды в комнате не нашёл. Вспомнил, что накануне вечером видел во дворе колодец.

На пороге мирно сопел Фил. Я осторожно переступил через него, чтобы не разбудить, но скрип дверных петель сделал это без меня. Пёс испуганно оглянулся, спросонья не понимая, где оказался, но, увидев меня, вскочил, завилял хвостом и пулей прошмыгнул в открытую дверь.

Утро стояло тёплое, солнечное. Под ногами суетилась пернатая живность, которая, едва завидев незнакомого человека, разбежалась в разные стороны. При этом один важный и очень жирный гусь даже попытался ущипнуть непрошеного гостя за ногу.

Пил прямо из ведра. Вода в колодце оказалось вкусной и холодной. Не знаю, что Гена добавляет в свой эликсир, но помолодевшим после такого зелья я себя точно не чувствовал. Чего не скажешь о ключевой воде из колодца. Вот она-то как раз и вернула в больной организм преобладание разума над инстинктами.

Умывшись, опять же из ведра, отворил калитку и вышел за двор. Улица была пустынной, если не считать тощего серого кота, развалившегося на траве в тени старой вишни. Жужжали мухи и пчёлы. Птицы, ещё не чувствующие скорого наступления осени, весело щебетали повсюду. Где-то в соседнем дворе прокукарекал петух, а ещё дальше, на окраине села, лениво лаяла собака. Идиллия. Я глубоко вздохнул, наслаждаясь гаммой деревенских запахов и... уже на выдохе вспомнил о вчерашних событиях.

Приятные ощущения куда-то разом улетучились, и головная боль, от которой удалось ненадолго отвлечься, накрыла с новой силой. Я извлёк из кармана мобильник, намереваясь набрать Лёху, чтобы узнать, как он себя чувствует, но вовремя обратил внимание на часы и решил отложить звонок на потом. Было ещё слишком рано. Вот только спать больше не хотелось.

С улицы открывался прекрасный вид на поле, по которому я вчера наматывал круги в поисках удачи. Сразу за ним – полоса деревьев, отгораживающих это поле от злополучной балки. Я невольно передёрнулся. Прибор! Лёхин металлоискатель! Забыли... Он для его покупки даже кредит в банке брал и, кажется, до сих пор не погасил. Я ещё раз взглянул на часы. Решил, что времени более чем достаточно, чтобы вернуться до того, как все проснутся.

Одежда за ночь почти просохла, хотя ещё и пахла сыростью. Но кроссовки были влажными. Немного потоптавшись в них и не обнаружив чавкающих звуков, решил, что для сельской местности сойдёт.

Идти было недалеко. Минут через двадцать, миновав поле и несколько десятков луж, я остановился у оврага. Яра, как вчера назвал его Гена. Всё это время Фил бежал рядом, беспрестанно виляя хвостом и изучая пытливым носом каждую канавку. Но когда мы подошли к балке, пёс замер. Он пригнул голову, принялся и тихо заскулил.

– Страшно, Филька? – тихо спросил я.

Тот сделал пару шагов назад, продолжая неотрывно смотреть вниз и скулить.

– Не бойся. Должен же хоть кто-то из нас быть смелым. Сиди здесь и стереги отступы. Папа пошёл за металлоискателем, – сказал я как можно бодрее и потрепал пса по рыжей холке.

Прибора отсюда видно не было. Оглядевшись в поисках более пологого спуска и так и не найдя вариантов, решил спуститься здесь же, но чуть в стороне от опасного поваленного дерева. Выломав из клёна сук и используя его как дополнительную опору, стал медленно спускаться. Думать о том, что мне вчера здесь слышалось, очень не хотелось, и каждый раз, когда мысли возвращались к этим событиям, я тут же гнал их подальше, стараясь занять себя напеванием любимой Юлькиной песенки из какого-то модного нынче мультсериала. Но как бы я ни старался себя успокоить, сердце от волнения просто выпрыгивало из груди.

Спуск оказался ожидаемо непростым. Жухлая трава не успела за ночь как следует просохнуть, и ноги скользили по ней, как по льду. Спасал разве что посох, который приходилось с силой вонзать в почву, прежде чем сделать очередной шаг. К прочим «радостям» утренней прогулки прибавились ещё и комары. Они кружили повсюду. Видимо, сказывалась близость воды. Кровососущие твари чувствовали себя в таких условиях достаточно комфортно, чтобы плодиться в невероятных количествах. Я мысленно выругал Лёху за его дурацкую манеру вечно забираться в какие-то непролазные дебри. И как он вообще вчера умудрился спуститься? И главное – зачем? Ну неужели мало распаханного ровного поля? Ходи себе, наслаждайся, копай. Так нет же! Что там Гена об экстриме говорил?

Вчерашний разговор с гостеприимным комбайнёром вспомнился очень некстати. Снова в бешеном темпе забилося сердце.

– Да что ж это такое, твою мамку за ляжку, блин? – в сердцах выругался я, не выдержав своего слабоволия. – Что за детские страхи-то, ёлы-палы? Детский сад, блин! – И про себя отметил, что успел нахвататься от Гены не только детских страхов, но и «ёлок с палками».

Эта импровизированная эмоциональная разрядка помогла взять себя в руки. Пора было менять направление движения, чтобы добраться до лежащего на склоне дерева. К своему удивлению, прибора я там не нашёл, а лишь в очередной раз бросил взгляд на обломанный, острый как пика сук с запёкшейся бурой кровью на неровностях. Выше по склону его тоже быть не могло, мы бы его заметили при подъёме. Скатился, когда Лёха падал?

Посмотрел вверх. Фил пристально следил за мной, но идти следом не решался. Придерживаясь за сухие сучья злосчастного дерева, я метр за метром стал спускаться. С каждым шагом воздух становился всё более густым и влажным. Начал ощущаться отвратительный запах гниющих листьев. Не сухих и не опавших, а именно гниющих.

Как-то в школьные годы нас всем классом вывозили в городской парк на уборку территории. Дело было ранней весной, и опавшие листья, которые предстояло убирать с обочины проходящей через парк дороги, за зиму превратились в малопривлекательную однородную массу, сгнившую и омерзительно воняющую, до тошноты.

Сейчас же этот запах был значительно более острым и густым. Желудок тут же принялся настойчиво напоминать о том, сколько вчера было выпито. Я натянул ворот футболки на нос, в надежде хоть немного перебороть естественные позывы организма, и продолжил спуск. Нужно было как можно скорее найти прибор и выбираться из этой проклятой балки к чёртовой матери.

«Ну, Лёха, я тебе устрою!» – причитал я мысленно, не решаясь говорить вслух.

Дно оврага устилала высокая густая трава, которая ближе к центру поляны равномерно смешивалась с не менее густыми зарослями камыша. За ним с трудом просматривалась небольшая лужица чёрной воды. Судя по всему, это и было то самое болото, о котором рассказывали Лёха с Геней. Честно говоря, в тот момент я даже испытал некоторое разочарование. Будто в один момент рухнуло всё таинственное, что окружало их мистические рассказы. Обыкновенная лужа! Грязная, вонючая, кишачая пиявками и личинками комаров. Возможно даже,

где-то внутри её бил какой-нибудь вялый родник. Простая водоносная балка, коих в наших краях – тьма.

Я окинул взглядом склоны. Густые кроны старых, высоких деревьев создавали подобие купола над водоёмом. Их скрюченные ветви переплетались между собой, создавая подобие замысловатой решётки, через которую с трудом пробивались редкие солнечные лучи. В плотном сыром воздухе они резко контрастировали с мраком лесного болота. Если бы не жуткий запах и вездесущие комары, можно было бы даже вернуться сюда с фотоаппаратом и провести фотосессию. Нетронутая природа – всегда красиво... Главное – захватить противогаз.

Залаял Фил. Сначала робко, затем всё увереннее и увереннее. Его голос казался далёким. По крайней мере, с такого расстояния он должен был звучать намного громче. Я решил, что пёс просто отбежал подальше в поле.

Металлоискатель нашёлся практически сразу. Его рукоять возвышалась над травой. Кум, как истинный копарь, оставил прибор в вертикальном положении, оперев подлокотником на рукоять воткнутой в землю лопаты. Оставались неясными три обстоятельства: во-первых, почему Лёха бросил такую дорогую вещь вниз, если так бережно с ней обходился? Во-вторых, что он здесь вообще делал, если и ежу понятно, что находок в таком месте не может быть по определению? И наконец: почему это я, такой полностью вмняемый, практически протрезвевший, взрослый человек, стою здесь и невыносимо хочу подойти поближе к воде? А ещё я слышу голоса!

– Шшшиииееессь...

Каждая волосинка на коже в мгновение ока встала перпендикулярно телу.

– Есссаааашшшш... Ххххааааассссаааассс...

Это был не один голос. Это был целый хор шепчущих в полной тишине сиплых голосов, исходящих отовсюду! Я схватил металлоискатель и рванул к склону, по которому только что спускался. Опираясь на Лёхину лопату, скользил, падал, больно ударяясь животом и коленями, старался ухватиться за траву. Воздуха не хватало, и меня начал душить кашель. Упав в очередной раз, я выронил прибор и на миг обернулся, чтобы успеть его подхватить, пока тот не скатился по склону. И когда пальцы уже сомкнулись на штанге металлоискателя, тёплая, массивная, отвратительно пахнущая волна воздуха с силой ударила мне в лицо:

– Сссааааааааааххххсс... – На этот раз шёпот был настолько отчётливым и громким, что у меня не осталось сомнений в его реальности.

Он был рядом! Он был прямо передо мной!

Я взглянул на лужу, которую даже болотцем назвать язык не поворачивается, и замер. Вода в ней дрожала, пульсировала, расходясь кругами от центра к берегам. И пульсация эта точно совпадала с теми звуками, которые я слышал. С движением воздуха, бьющим в лицо. Грязная лужа словно дышала смрадом, бесновалась, извивалась в ярости. Чем дольше я смотрел на *это*, тем твёрже крепла уверенность: *оно*, чем бы оно ни было, живое, и *ему* не нравится, что я ухожу.

Следующие несколько десятков метров подъёма я преодолел, будто на реактивной тяге. Уже у самой вершины склона снова поскользнулся и упал. Свет солнечных лучей, до этого скрывааемых ветвистыми деревьями, сюда проникал без труда. Дурной запах практически не ощущался, и я позволил себе обернуться.

Ничего необычного, сверхъестественного или пугающего не обнаружил. Всего лишь стволы деревьев, между которыми проглядывалась зелень низины и чёрное пятно омута. Оно было похоже на огромный мёртвый зрачок, кишачий живой мерзостью. Ко мне подбежал Фил и, радостно виляя хвостом, принялся облизывать лицо.

Глава 6. Час от часу не легче

Звонил мобильник.

– Коль, где тебя носит?

– Кум прибор свой вчера забыл, надо было забрать. Уже назад иду... – приходилось говорить сквозь сбившееся дыхание.

Маша перебила:

– Юлька заболела. Давай быстрее. Надо срочно домой ехать. Фил с тобой?

– Да, со мной. Чем заболела?

– Температура высокая ночью поднялась, её рвёт постоянно и вообще плохо. Отравилась, наверное. Утром хуже стало. Мама врача вызвала, ждут сейчас. Давай быстрее, я тебя прошу!

«Час от часу не легче», – подумал я и, прихватив металлоискатель, поспешил к дому Гены.

Отошёл на приличное расстояние от оврага, обернулся, прислушался. Ничего... Сделал попытку обмануть себя, убедить в том, что все необычные события, с которыми пришлось столкнуться на болоте, – не более чем плод воображения. А ещё можно было списать все страхи на похмелье.

Можно было, но не получалось. Я знал. Я был уверен, что всё было по-настоящему.

Перепрыгивая лужи на размытой полевой дороге, набрал номер матери. Это её Маша называла мамой, хотя, на самом деле, она была ей свекровью. Я надеялся разузнать подробности о Юльке, но ничего нового, кроме причитаний и оханья, не услышал. Оставалось надеяться, что всё не так плохо, как кажется.

Маша ждала на скамейке около калитки, нервно теребя в руках мобильник. Фил, завидев её, обрадовался и рванул вперёд.

– Ну, где тебя так долго носит? Нас Гена обещал в город отвезти на Лёшиной машине.

– Да неудобно как-то, – растерянно промямлил я, будучи искренне уверенным, что с дочерью всё будет хорошо, а волнения жены слишком преувеличены. – Он и так уже для нас много сделал. Ещё и тут напрягать... Как назад ему добираться?

– Да хрен ли тут добираться, ёлы-палы? – раздался из-за забора низкий голос Гены, калитка отворилась, и в проёме показалось его опухшее заспанное лицо. – К нам сюда каждые полчаса электрички ходят. Ты, Коля, это... самое... Хорош выёживаться, в общем. Я привык по человеческим понятиям жить. Принципы у меня, если хочешь... Сегодня я вам помог, завтра, может, вы мне чем подсобите. Земля круглая, ёлы-палы, жизнь длинная, а Бог един. Он всё видит... Так что это... Давай... Завтракаем и погнали.

Маша ничего не хотела слышать ни о каком завтраке и настояла на немедленном отъезде.

До города домчали за полтора часа. Всю дорогу Маша созванивалась с мамой, разузнавая мельчайшие подробности, и начинала паниковать каждый раз, когда пропадал сигнал сети и связь обрывалась. Фил чувствовал нервное напряжение хозяев и за время поездки не издал ни звука. Это было совсем на него не похоже.

Пока мы ехали, «скорая» увезла Юлю в больницу с подозрением на кишечную инфекцию, поэтому мы, не заезжая домой, отправились прямо туда. По приезде Гена поинтересовался, может ли чем-то ещё быть полезен. Мне очень не хотелось его задерживать. Этот простой, добрый, бескорыстный человек сделал для нас так много за последнее время... А я во всей этой суете даже не успел его толком поблагодарить. Или, хотя бы, обменяться номерами телефонов, чтобы отблагодарить позже. Успел разве что всучить деньги на такси до вокзала. И то, сунул не ему, а таксисту, потому что Гена брать деньги не стал. На том и распрощались.

С Филом в больницу не пустили. Пришлось просить маму погулять с ним на улице. Снова сидеть в машине он категорически отказывался.

В приёмном отделении стоял резкий запах медикаментов. Юле промывали желудок в процедурном кабинете.

– Боже, как я устала! – тихо причитала Маша, сидя на жёстком больничном топчане. – Вы меня с ума сведёте! Кстати, что там с Лёшкой случилось? Что у него с ногой?

– Довездеходился Лёшка. Поскользнулся, на ветку с наскока ногой напоролся. Пришлось срочно в больницу везти, иначе крови мог много потерять. Если бы не Гена...

– Боже... Что, так сильно напоролся?

Я рассказал ей обо всём, что случилось прошлым вечером. За исключением одной детали. Детали, которая занозой сидела в голове и не покидала её ни на минуту. Маша слушала, широко раскрыв глаза и прикрыв губы ладонью.

– А ты ему звонил?

– Пытался, но у него телефон промок. Хотел сегодня навестить, только теперь вот не знаю...

После того, как Юлька прошла все необходимые процедуры, её привели в общую палату и нам с Машей разрешили её навестить. Когда я увидел дочь, лежащую на огромной больничной кровати с провисшей панцирной сеткой, худую, бледную, с паутиной трубок от капельниц, тянущихся к маленьким ручонкам, в горле встал ком. Враз из головы вылетела вся потусторонняя ересь, которая не давала покоя последние несколько часов. Весь мир, все проблемы и потрясения в один миг сжались до ничтожно малых размеров, по сравнению с тем, что было в действительности важным. Юлька прошептала:

– Мама, папа... – и улыбнулась, отчего на сердце стало ещё тяжелее.

Чувство жалости к маленькому родному чадушку и осознание собственного бессилия разрывали изнутри. Я взял её пухленькую ладошку и приложил к своей щеке.

– Ой, папа, ты колючий, – чуть веселее прошептала дочурка.

Врачи диагностировали сальмонеллёз, опасную кишечную инфекцию, и настоятельно рекомендовали оставаться на стационарном лечении в больнице как минимум неделю. Я весь день провёл с Юлькой, пока Маша ездила домой, чтобы собрать необходимые вещи и привести себя в порядок после поездки. Вечером она меня сменила и появилась возможность заскочить в травматологию, чтобы проведать кума.

Лёха встретил меня какой-то нервной улыбкой на встревоженном лице. На него это было совсем не похоже. В палате были ещё двое: старик без видимых повреждений и молодой парень с гипсом на правой руке. Первый увлечённо читал газету и, казалось, вовсе меня не замечал, второй лежал с закрытыми глазами в наушниках, из которых доносилась какая-то энергичная однообразная музыка.

– Приветствую выздоравливающих, – попытался я приободрить поникшего друга, но тот отреагировал снова в весьма не свойственной ему манере, чуть заметно кивнув мне в ответ, и жестом предложил присесть на край койки.

Я, конечно, догадывался, в чём была причина такого поведения. Единственное, что настораживало, – кум принял всю эту болотную чертовщину слишком близко к сердцу. Значит, либо его переживания так усугубила травма, либо я чего-то не знал.

– Ты как? – негромко спросил меня Лёха, когда я сел рядом.

– Как я? Это ты как? Кто из нас вообще с порванной жопой лежит?

– А... Да нормально всё с жопой. Зашили всё. Печень не задета, а это главное – будем пить! Ты лучше это... – Он замылся. – Ты помнишь, я тебе про шёпот на болоте говорил? Про вой этот...

Я кивнул, не зная, стоит ли рассказывать ему о том, что сам слышал и даже видел. С одной стороны – что тут скрывать? С другой – уж слишком напуганным выглядел мой кум. Настолько напуганным и не похожим на самого себя, что я засомневался в его душевном равновесии. Но решил всё-таки рассказать всё, как есть...

Он приподнялся, упёрся локтем в подушку и слушал очень внимательно. Не отрывая пристального взгляда, жадно проглатывая каждое слово. Даже когда я закончил, он не сменил позы и ждал ещё чего-то.

– И всё? – пытливо уточнил он.

– Да, вроде всё. А что? Тебе мало, что ли? Я, между прочим, прибор твой спас. Он даже работает. Я проверил.

Лёха откинулся на подушку и, закрыв глаза, шумно выдохнул.

– Да что с тобой, мужик? – возмутился я его молчанием. – Ты можешь сказать, что не так-то? Ну, попали мы с тобой в какой-то бабкин-ёжкин огород, ну, испугались маленько. Всё ж уже позади! Всё нормально! Вон и ногу тебе уже починили... Я тоже слышал эту хренотень, тоже труханул крепко. Но сейчас-то...

– Нет, Коля, ты не понял! – перебил меня он. – Ты эту хренотень слышал там, а я и сейчас слышу. Вот здесь! – Он ткнул пальцем себе в висок.

Глава 7. Навсегда

Я смотрел на кума, не зная, как реагировать. Я никогда не был суеверным, никогда не верил ни в чертовщину, ни в экстрасенсов, которые в последнее время заполнили экраны телевизоров и зарабатывают неплохие деньги на доверчивых домохозяйках. Не верил в колдунов, гадалок и прочий бред. Всегда скептически и с солидной долей иронии смотрел передачи с диковинными названиями наподобие «Необъяснимо, но факт» или «Потустороннее». Я всегда и всему старался найти логическое объяснение. Рациональное. Вот и сейчас, первое, что пришло в голову, – это порекомендовать Лёхе обратиться к хорошему мозгоправу. Но в тот же миг рациональное объяснение само собой свалилось, будто снег на голову. Как же всё просто! Элементарно! И так забавно. Я рассмеялся...

Кум смотрел на меня с разочарованием и обидой. А как ещё ему было реагировать на моё поведение? Я хохотал, а его испуганное лицо ещё сильнее меня раззадоривало.

– Лёха, – едва справившись с эмоциями, выдавил я, – ты помнишь, как мы с тобой на третьем курсе травы накурились, а потом нам Андрюха Чайник какие-то колёса подсуетил? Последствия... Помнишь?

– Ты чё, старик? – насторожённо спросил кум. – Трава-то тут при чём?

– Да при том, дубина ты обдолбанная! Мы с тобой в том овраге испарений болотных надышались и глюки конкретные поймали! Выбрались – отпустило. Так? Но тебя ж под наркозом оперировали, правильно? – Я снова засмеялся.

Лёха некоторое время ещё оставался с каменным лицом, а затем с шумом выдохнул и облегчённо откинулся на подушку.

– Твою же мать! Твою мать! Твою мать! – ругался он, широко улыбаясь. – Чего ж ты раньше-то молчал, подонок? Я уже думал, у меня кукушка улетела, пора из одной больнички в другую перебираться!

– Так я чё-то не понял, тебя что, до сих пор плющит, что ли? – Я снова хохотал.

– Не-е-е. Сейчас уже вроде нет. Но пару часов назад ещё лежал и пытался разобраться, что мне там болото шепчет втихаря. Твою ж мать, а...

– Слышь, а прикольно было. А главное – бесплатно! – Теперь уже мы оба смеялись, вытирая слёзы. – Можем даже наркоэкскурсии за деньги проводить. Наркотуры в живописные места! А? Звучит? Экологически чистые препараты! Плющит не по-детски и местность красивая!

Вернувшись в пустую квартиру поздно вечером, позвонил Маше и разузнал о самочувствии дочери. Юлька спала, но ближе к ночи снова стала расти температура, и сейчас ей поставили какую-то капельницу. А ещё Маша сказала, что разговаривала с врачом. Он заверил её, что самое страшное уже позади и угрозы жизни ребёнка нет.

– В смысле, «угрозы жизни»? – У меня даже колени подкосились, пришлось присесть. – Она умереть могла? Юлька умереть могла?

Маша не ответила, но я слышал, как она плачет.

Как смог, успокоил её, и мы договорились, что, если будет становиться хуже, Маша обязательно позвонит.

Я улёгся в кровать и уставился в потолок. Сегодня мы могли потерять самого дорогого человека в нашей жизни и даже не догадывались об этом. Наш ребёнок сегодня мог умереть! Это просто не укладывалось в голове! Умереть! Юлька! Наша дочка! Наш самый важный комочек жизни! Человечек, благодаря которому жизнь обретает главный смысл! И умереть?

Тишина пустой квартиры давила многотонным прессом. Я прислушался к этой гнетущей тишине и не расслышал в ней ничего: ни сопения Юлькиного носика, привычно доносящегося

из её кровати, ни умиротворенного дыхания Маши. Ни-че-го! Только пустота – отсутствие жизни. Даже Фил остался у матери. Я был один.

И на миг... на один короткий миг представил, что остался в этом одиночестве навсегда. Что Юльки и Маши больше никогда не будет. Не предположил, не допустил, а именно представил. Нечаянно представил. Ненароком. Я представил, что они умерли.

Ужас, который я испытал в то мгновение, не шёл ни в какое сравнение со страхами, пережитыми наемни на склоне водоносной балки. Страшнее такой потери ничего в жизни быть не может. Это самое невыносимое, что может произойти с человеком, самое безжалостное и несправедливое. Это без преувеличения – чудовищный ужас!

Я ощущал этот ужас всего мгновение, один короткий миг. Но мне хватило его, чтобы не спать до утра в тщетных попытках отогнать от себя единственное слово, которое ядовитым жалом засело глубоко в груди. Это слово – «навсегда».

Через неделю Юльку выписали из больницы, и жизнь пошла привычным чередом. Лёха выздоровел, и с приходом осени мы возобновили наши субботние выезды на покопушки. Вот только Машу теперь было не вытащить на природу. После того случая она категорически отказывалась составлять нам компанию и предпочитала волноваться за нас, сидя дома. Кум же не изменил своей манере слоняться по лесам и оврагам, и даже казалось, делал это с ещё большим усердием, чем раньше. Хромал, кряхтел, но шёл в кусты.

Так всё шло до наступления ноября. А в первый день этого месяца моя жизнь изменилась. Внезапно и навсегда.

Это был понедельник. Вернувшись с работы, я нажал на кнопку звонка нашей квартиры. Из-за двери привычно залаял Фил, который всегда чувствовал или слышал мои шаги на лестничной клетке и начинал суетиться ещё задолго до того, как войду. Маша, которая всегда возвращалась с работы раньше меня, успевала к этому времени забрать Юльку из детского сада и разогреть ужин. На этот раз дверь никто не отворил. Фил перестал лаять и только тихонько поскуливал. Я снова позвонил и, не дождавшись ответа, принялся рыться в карманах в поисках ключа.

В квартире было темно. Я окликнул жену по имени, но никто не отозвался. Ужином тоже не пахло.

Набрал Машин мобильный, но связи не было. Предположив, что они с Юлькой после сада могли зайти в магазин за покупками, я отбросил тревожные мысли и решил подождать. За год скопилось довольно много различных находок, которые надо было привести в более-менее приглядный вид. Я занялся их очисткой, рассчитывая таким образом убить время, дожидаясь своих.

Зазвонил мобильный. Почувствовал облегчение и, будучи уверенным, что звонит Маша, посмотрел на входящий номер. Звонили со стационарного...

– Здравствуйте, – поздоровался со мной незнакомый мужской голос.

– Здравствуйте, – немного растерянно ответил я.

– Старший оперуполномоченный Московского районного отделения Литвинов Олег Владимирович, – отчеканил тот сухим, официальным тоном. – С кем я говорю?

Сердце ёкнуло, предательски забарабанив в груди. Мельком заметил, что волноваться-то мне не из-за чего. Я вполне законопослушный гражданин и проблем с законом не испытывал даже во времена бесшабашной молодости. Откуда же эта... Мысли о том, что звонок может касаться Маши и Юльки, я даже близко не подпускал. Хотя она, конечно же, первая пробралась в голову.

Я представился.

– Скажите, вам знаком телефонный номер... – Он продиктовал мне номер Маши, и я даже на некоторое время успокоился. Маша потеряла телефон, и он как-то попал в милицию!

– Да, это телефон моей супруги. А в чём...

Договорить я не успел, милиционер меня перебил:

– Мне очень жаль это говорить... – Он сделал небольшую паузу, за которую я в тот момент готов был его убить. – Но ваша жена и дочь погибли. Они переходили дорогу на пешеходном переходе...

Я его не слышал. Ничего не слышал. Просто стоял и смотрел в одну точку. Я оказался в вакууме, в космосе, в невесомости. Очень хотелось проснуться. Я ему не верил! Он мог ошибаться... Да, конечно, он ошибается! Хотелось вдохнуть, но я не смог.

Я сел на пол и завыл. Не заплакал, нет... Я выл, как собака. Без слёз. И Фил, который сидел рядом и смотрел на меня, наверное, решил, что я сошёл с ума.

Глава 8. Надежда

Дальше был сон. Самый кошмарный и самый длинный сон в жизни. Он длился многие дни, недели, месяцы... Много незнакомых людей, опознание, родственники, которые суетились, плакали, соболезовали, утешали, снова соболезовали... Завешенные простынями зеркала в квартире, кладбище, слёзы. Много слёз. Могилы, кресты, надгробия, священник, первый мокрый снег и грязь под ногами. Тела, лежащие в деревянных коробках около свежерытых ям. Одна маленькая, другая побольше. Восковые лица жены и дочери, совсем не похожие на себя. На эти лица падал снег и не таял. Удары молотков по гвоздям, удары земли, падающей на крышки гробов. Поминки, еда без вилок. За всем этим я наблюдал, не принимая совершенно никакого участия. Будто меня не было вовсе. Будто я умер вместе с ними. Меня всюду водили под руки, усаживали, вливали в рот водку. Я часами мог сидеть в одиночестве и ни о чём не думать. Абсолютное, полное отрешение.

Иногда я мысленно возвращался к той ночи, когда лежал один в кровати, представляя весь этот кошмар. Тогда я даже вообразить не мог, насколько ошибаюсь. На самом деле всё оказалось куда страшнее. Хотя «страшнее» – тоже неподходящее слово. Ни в одном языке мира не найдётся слов, которые могли бы передать то, что испытываешь, когда теряешь всё.

Каждый день после похорон ко мне приходил Лёха и просто сидел рядом. Молча. Иногда что-то говорил, но я не помню, что именно. Затем врачи. Кажется, возникли какие-то проблемы с ногами. Они почему-то сильно отекали. Меня заставляли двигаться, и я двигался, пока заставляли.

Моя мама переживала потерю внучки и невестки не менее болезненно. Лёха рассказывал, что её увезла «скорая» в кардиологию. Он навещал её в больнице несколько раз. Она просила, чтобы он не заставлял меня приезжать. И я не ездил.

Неделю спустя крепко запил. Пил много и постоянно. Это не приносило особого облегчения, а я его и не искал. Просто пил, и всё. Без причины. В первые дни запоя Лёха составлял мне компанию, но неделю спустя я продолжил пить уже в одиночестве. И продолжал, пока не закончились деньги.

Протрезвев, стал в каждой детали своего жилища замечать напоминания о жене и дочери. Фотографии на стенах, рисунки на обоях, оставленные маленькими Юлькиными пальчиками, запах Машиных духов, сохранившийся на её одежде, длинные светлые волосинки, затерявшиеся в нестиранной уже два месяца постели, игрушки, разбросанные по детской комнате и до сих пор никем не убранные, рисунок щенка с надписью «папин друг».

Я сорвал с потолка люстру, срезал висевшую на балконе бельевую верёвку и закрепил один её конец на крюке, вкрученном в потолок. Делал я это так, будто занимался чем-то обыденным, повседневным. Страшно не было. Абсолютно. Потому что уже считал себя мёртвым. Я умер первого ноября, и умереть второй раз уже просто не мог. Оставалось всего лишь исправить небольшую досадную ошибку – остановить сердце, которое сопротивлялось реальности и упорно продолжало биться.

Крюк не выдержал, и я упал на пол, больно ударившись рёбрами о выбитую из-под ног табуретку. Отдышавшись, перешёл в другую комнату, снял другую люстру. Сделал новую петлю, продел в неё голову и, не раздумывая, оттолкнул опору из-под ног. Снова падение и боль от удара. Очередной крюк был выдернут из потолка, осыпав меня пылью и осколками штукатурки.

Щёлкнул дверной замок. В прихожую вошёл Лёха. У него был свой ключ от квартиры. Машин ключ, который он взял сам, так как в последнее время я никому не открывал дверь. Увидев меня сидящим на полу, он подбежал, упал на колени и крепко обнял, матерясь и ругая последними словами. Мы долго так просидели, а после Лёха заговорил:

– Ты помнишь, как мы с тобой по полям носились? А? Кумец... А как хутор в лесу искали и застряли в канаве? Нам тогда пришлось до утра комаров кормить. А вспомни, как на футбол ходили, как наши четыре-один турков наказали! Вспоминай, мать твою за ногу! Это тоже была жизнь, старик! Это тоже жизнь! И она не закончилась! Понимаешь ты это или нет? Она здесь! За неё бороться нужно! Вспоминай, как в универе в окна женской общаги лазили! – Он почти кричал, изо всех сил стараясь достучаться до меня, и у него начало получаться. – А как ты меня из того оврага с пробитой ногой вытаскивал? Вспоминай, как два обдолбыша боялись собственных глюков!

Я посмотрел на Лёху, но о том, что мне вдруг пришло в голову, не сказал. Только в груди, впервые за последние два месяца, что-то заныло, зашевелилось, разлилось теплом.

Я не сразу её узнал. Она так далеко ушла от меня, так бесповоротно удалилась, что её возвращение было подобно какому-то чуду. Но тепло в груди подсказывало, что это именно она. Это она! Она! Надежда! Глупая, никчёмная, откровенно издевательская, но надежда! Я не верил в неё, но другого выбора просто не оставалось.

Видимо, взгляд мой стал осмысленным, потому что кум вдруг замер и осторожно улыбнулся. Он хлопнул меня ладонями по плечам и радостно затараторил:

– Ну вот, мужик! Молодца! Возвращайся! Ты хоть кивни мне, а то я не пойму, радоваться мне или пугаться.

– Всё нормально, Лёш... – Голос оказался каким-то чужим, хриплым. Я уже и забыл, как он должен звучать, но точно не так, как сейчас.

Лёха оживился, схватился руками за голову и тут же воздел их к потолку.

– Слава тебе, Господи! Я слышу его голос! – Затем снова переключился на меня и командным тоном продолжал: – Короче! Я отпуск беру, и мы с тобой завтра же в поля! Завтра же! Ты в окно посмотри! Там же весна настоящая, оттепель, весь снег сошёл! Я такого января вообще не помню! Плюс девять! Трава даже полезла!

– Нет, завтра нет, – всё тем же хриплым голосом отказался я. – Давай потом.

– Никаких «потом», – безапелляционно отрезал кум. – Я тебя теперь ни на шаг от себя не отпущу. Жить нужно сейчас! Сегодня! Ты когда ел в последний раз? В зеркало на себя смотрел? Худой как щепка! Идём на кухню, я тебе пожрать принёс, а то в холодильнике мышь повесилась.

Лёха приготовил замечательный ужин, и я, удивляясь самому себе, с удовольствием съел всё, что было предложено. Мы долго, почти до самого утра, сидели за столом, безжалостно истребляя запасы чая, и говорили без умолку. Вернее, говорил по большей части кум. Он тактично избегал разговоров о моей семье и с удовольствием делился новостями, произошедшими за последнее время. Политика, пресловутый футбол, работа... Я слушал его, иногда удивляясь, как много пропустил, но уже той ночью начал обдумывать план действий.

Для начала нужно было сбежать. Лёха, застав меня с петлёй на шее, решительно взялся за спасение и клятвенно пообещал не оставлять в одиночестве ни на минуту до тех пор, пока не будет уверен, что я вернулся к полноценной жизни. Моего согласия он не спрашивал. Да оно ему было и не нужно.

Весь следующий день он и в самом деле не отходил от меня ни на шаг. Я кое-как отговорил его ехать на коп, и вместо этого мы просто слонялись по городу, периодически посещая различные забегаловки для перекуса. Вечером, вернувшись домой, я попытался убедить его ехать к жене с детьми, но доводы не подействовали, и он снова остался ночевать у меня.

Сделав вид, что уснул, и дождавшись мерного храпа из соседней комнаты, я тихо встал. Не включая света, оделся. Мне нужны были деньги на проезд, пришлось немного взять у кума, почистив карманы его куртки. Было стыдно, но других вариантов не было. До вокзала добрался на метро, которое ещё не успело закрыться. Ближайшая электричка отходила в пять утра, и у меня в запасе было чуть больше четырёх часов.

Глава 9. Омут

Выйдя из вагона на испещрённый трещинами деревенский перрон, я поёжился от порывистого сырого ветра и торопливо застегнул молнию на куртке. Рассвет ещё не наступил. Чуть в отдалении горели одинокие уличные фонари, фрагментарно освещая старые невысокие дома. Я постоял немного в нерешительности, затем пересёк железнодорожное полотно и, не обращая внимания на лужи, побрёл туда, откуда возвращаться не собирался. Ноги быстро промокли и замёрзли, в лицо ударил мелкий дождь.

Пока шёл, небо немного посветлело, и впереди проявились очертания деревьев, окаймляющих овраг. Их чёрные голые ветви слегка покачивались под сильными порывами ветра. Впервые за два долгих месяца мне стало страшно. Я шёл и не мог понять, чего боюсь больше: смерти, которой желал сам себе, или собственной уверенности в том, что Гена в ту ночь просто рассказал страшилку на пьяную голову? Здравый рассудок, если он ещё сохранился в моей голове, честно признавался, что всё указывает на последнее. Старое болото из-за удушливых, ядовитых испарений имело среди местных дурную славу. Оно дурманило, вызывало галлюцинации и потому неудивительно, что со временем обросло суевериями и сказочными историями. И каждый выдумывал свою... На долю секунды даже возникло желание наведаться к комбайнёру в гости, расспросить обо всём подробнее, но страх навсегда потерять единственную надежду заставил не отвлекаться от задуманного.

Стоя на краю оврага, я слушал завывания ветра и с удивлением отметил, что на дне, у самого болота стоит плотный туман. Видимо, деревья, растущие по периметру, и крутые склоны надёжно защищали его от движения воздуха. А органика, которой полнилась гнилая вода, источает тепло. По мере спуска я всё отчётливее ощущал тот самый запах и на всякий случай прислушался.

Внизу было тихо и сумрачно. Под ногами чавкало. Почва здесь была мягкой и сильно проминалась под ступнями при каждом шаге. Плотный туман, окутавший меня со всех сторон, слегка дезориентировал. Я посмотрел вверх и по верхушкам деревьев приблизительно определил, в каком направлении нужно двигаться. Медленно ступая и часто дыша от волнения, заметил, что туман стал ещё плотнее и я уже не вижу собственных ног. Вытянув перед собой одну руку, не смог разглядеть пальцев.

Гнетущая тишина сводила с ума. Уж лучше бы выло и шептало! К этому я, по крайней мере, был готов. Но тишина... Ноги всё глубже проваливались в скользкое, вязкое дно болота, и холодная вода доставала уже почти до колен. Идти становилось всё тяжелее, и я начал подозревать, что глубина водоёма слишком мала для того, чтобы получилось совершить задуманное. Сделав ещё несколько шагов, решил, что так оно и есть. Глубже не становилось. Я остановился, закрыл глаза, из которых предательски выступили горячие слёзы, и медленно выдохнул: – Господи, какой идиот...

Отчаяние? Разочарование? Слишком простые слова. Я увидел во всей красе абсурдность и постыдность ситуации, в которой оказался. Стоя по колени в грязной смердящей канаве, я надеялся вернуться в прошлое и спасти погибшую жену с дочкой. Большого идиотизма придумать сложно! Какая изысканная насмешка над собой! Какой безжалостный акт мазохизма! Не сдержавшись, я выбросил кулак в размашистом ударе и насколько мог громко заорал. Орал, пока не вышел весь воздух из лёгких, а когда умолк, то понял, что началось...

Сердце бешено забилося, дышать стало тяжело. Несмотря на то что прекратил кричать, я каким-то непостижимым образом продолжал слышать собственный крик. Он не прекращался и даже, казалось, нарастал, превращаясь во всепоглощающий вопль. Он был настолько громким, что стало больно ушам. Я сдавил их ладонями, зажмурился, стиснул зубы и внезапно почувствовал прикосновение холодной воды к кончику носа. Открыл глаза, и голова пошла

кругом... Я касался носом поверхности воды и видел в ней отражение собственных зрачков. Было не понятно, как это возможно, потому что в этот момент я чувствовал под ногами дно болота, а спина при этом оставалась ровной! Этого не могло быть, потому что я стоял!

Хотел было отпрянуть, но не успел. В одно мгновение всё лицо оказалось в воде. Запрокинул голову назад, но там уже тоже была вода. Ноги потеряли твердь и провалились в глубину омута. Размахивая руками в разные стороны, пытался найти хоть какую-нибудь опору, но ничего не чувствовал, кроме вязкой, густой, ледяной воды. Она была повсюду, и я окончательно потерял ориентиры, не понимая, где поверхность, а где дно. Холод сковал все мышцы. Не в силах больше сопротивляться желанию сделать вдох, глотнул... Горло свело судорогой. Тело боролось за жизнь, пытаясь вырвать заливающуюся в лёгкие жидкость, но из-за рвотных позывов они всё сильнее наполнялись водой. В груди сильно жгло, очередная судорога с силой вытолкнула залившуюся воду. Конечности наполнились свинцовой тяжестью, и я понял, что умираю.

Когда приступ судороги прошёл, я снова произвольно вдохнул... но не почувствовал очередной порции воды, заливающейся в лёгкие. Вместо этого с громким клокотанием и болью я вдохнул тёплый, сладкий воздух.

Глава 10. Лето

Меня рвало. Я жадно хватал воздух в коротких перерывах между спазмами и выкашливал зловонную зелёную жижу из горящих огнём лёгких. Она растекалась чёрной лужей и быстро впитывалась в сухую, твёрдую землю.

Едва отдышавшись, я почувствовал невероятную слабость во всём теле и бессильно рухнул на спину. Надо мной, сияя пронзительной голубизной, нависало огромное чистое небо, по которому суетливо носились юркие стрижи, а по сторонам, мерно качаясь, золотились спелые колосья пшеницы. Отовсюду лился звонкий стрёкот кузнечиков, жужжала мошкара. Я закрыл глаза и отключился.

Проснулся от невыносимой жары. Мокрая куртка нагрелась от жгучего летнего солнца и превратилась в настоящую духовку. Сбросив одежду и оставшись в одних трусах, я приподнял голову над полем. Это было то самое поле, где когда-то стоял хутор. Здесь я искал монеты. Вот только пшеницы тогда не было.

Недалеко от меня темнели знакомые деревья. Только тогда до меня дошло... Только тогда я наконец осознал целиком и полностью, что у меня получилось! У меня, чёрт возьми, получилось! Я тихонько хихикнул. Затем ещё. И ещё. Я долго смеялся и не мог остановиться. Со слезами на глазах, пока не заболел живот. Потом плакал. Но плакал от радости. От счастья.

Мне было всё равно как... Было абсолютно плевать, что я не могу объяснить, что со мной произошло. Я просто стоял на коленях, в тёплых лучах солнца и просто старался поверить в происходящее. На миг даже подумал, что это просто был самый реалистичный и самый чудесный сон, но боль в груди и мокрая, грязная одежда доказывали обратное. Где-то там, совсем недалеко, в каких-то полутора сотнях километров – живые и здоровые Маша с Юлькой. Моя семья.

А если я ошибаюсь? От этой мысли у меня всё похолодело внутри. В самом деле, ведь я же не могу быть уверен, что перенёсся в другое время... Вернее, время-то, конечно, другое, но... если это не прошлое? Что, если я на полгода вперёд прыгнул?

Просто лежать и рассуждать стало невыносимым занятием. Натянув едва просохшие, грязные джинсы и футболку, я направился в сторону деревни, где жил единственный знакомый мне местный житель. У двора Гены стоял тот самый трактор, на котором он приехал нам на выручку. Вокруг него суетилась всё та же шумная пернатая живность. Был и злобный гусь, который в августе норовил меня ущипнуть, когда я с дикого бодуна выходил во двор в поисках воды. Он и в этот раз, грозно зашипев, прыгнул шею к земле, предупреждая, что шутки с ним плохи. Я улыбнулся ему в ответ, будто старому приятелю, и про себя отметил, что это добрый знак. Если гусь ещё бегаёт, значит, на новогодний стол попасть не успел. Новый год, попросту, ещё не наступил. И ноябрь тоже. И девчонки мои...

Калитка была отворена, и я заглянул во двор. Гена склонился над какой-то здоровенной металлической штуковиной, установленной на большом верстаке. Он что-то сосредоточенно выковыривал из неё отвёрткой.

«Мотор! – догадался я. – Тот самый, который он чинил прошлым летом, и успел собрать за день до спасения Лёхи! Ну конечно!»

– Приветствую, уважаемый, – осторожно поздоровался я.

Гена мельком взглянул в мою сторону и, почесав затылок, возвратился к своему занятию, но вдруг замер и, медленно опуская руку, снова обернулся. Не отвечая на приветствие, насто-рожённо посмотрел на меня. У меня перехватило дыхание. Неужели узнал?

– Здрасти, здрасти... – Он скользнул взглядом по моей грязной одежде и тем же насто-рожённым тоном спросил. – Чё надо?

Я облегчённо выдохнул. Вроде не узнал...

– Поговорить бы нам, Гена.

Он едва заметно качнул головой, но продолжил стоять, пристально пялясь мне прямо в глаза. Было видно, что хочет задать вопрос, но боится, что будет неправильно понят... Да что там! Я даже догадывался, что это был за вопрос, поэтому, не дожидаясь, сам на него ответил:

– Да. Мы с тобой знакомы. Точнее, я с тобой знаком. И да, я оттуда. – Я кивнул в сторону балки.

– Да уж вижу, откуда, ёлы-палы... – Он отложил в сторону отвёртку, опёрся грязными ладонями о верстак и тяжело вздохнул: – Звать-то тебя как?

– Николаем. Сейчас восьмой год?

– Угу, июль, – пробубнил он в ответ и кивнул на душ, стоявший во дворе: – Иди отмойся. Полотенце и штаны тебе принесу...

– А позвонить от тебя можно?

Он вытер руки ветошью, порылся в глубоком кармане, извлёк старый затёртый мобильник и протянул мне.

– Только там ненадолго хватит: деньги кончились.

Гена удалился в дом. Большой радости от встречи со мной я не заметил. Да оно и понятно. Для него я чужой человек, которого он впервые видит. Да ещё и явно со своими проблемами. Но выбирать не приходилось, и я решил в очередной раз воспользоваться добросердечностью этого человека.

Дрожащей рукой набрал Машин номер. Ненадолго замешкавшись, нажал на «вызов». Пошли длинные гудки. Это были самые длинные телефонные гудки из всех, которые мне когда-либо приходилось слышать. Затем щелчок соединения:

– Аллю?

У меня перехватило дыхание.

– Маша...

– Аллю, кто это?

– Маш, это я!

– Кто – я?

– Маша... Машка!

В трубке раздался сигнал, предупреждающий об окончании средств на счёте, и, понимая, что связь скоро оборвётся, я затараторил:

– Я скоро буду, слышишь? Ты, главное, никуда не уходи! Ты дома? Жди меня дома! Машка! Слышишь?

Связь оборвалась. Я готов был кричать от счастья! Готов был прыгать и кричать! Но сдерживался, чтобы окончательно не вводить в ступор Гену.

Быстро стянув с себя затвердевшую от засохшей болотной грязи одежду, бросил её прямо на землю. Зашёл в душ и с огромным удовольствием принялся смывать вьевшуюся в кожу кошмарную вонь. Я мылся и не мог сдержать смеха. Смеялся от души, от всего сердца. До икоты, до боли в груди. Из-за шума воды я не расслышал, как Гена подошёл к двери и громко спросил:

– Так откуда тебя к нам занесло-то, ёлы-палы?

Я чуть не назвал две тысячи восьмой, но вовремя спохватился, вспомнив, что лично для меня две тысячи девятый так и не наступил. Точнее, я просто не заметил его наступления.

– Январь девятого. Точно не могу сказать, какое число было...

– Ого! Ты, что ли, в прорубь нырял, не пойму?

– Да нет, зима тёплая была... Ну, будет, в общем. Плюсовая температура. Терпимо!

– Видать, была причина, ёлы-палы.

– Была... – немного помолчав, ответил я и от воспоминаний передёрнулся всем телом. Я так быстро начал забывать всё, что со мной было ещё вчера, что даже сам удивился.

Гена протянул мне чистую одежду. Выглядел я в ней, мягко говоря, забавно. Старомодные джинсы-варёнки, неизвестно как сохранившиеся в достойном состоянии, цветастая рубашка с остроконечным воротником и советские лияльные кеды. Впрочем, последние и по сей день не теряли своей актуальности. Гена смущённо пожал плечами, как бы извиняясь, что не нашлось более приличной одежды, а вслух добавил:

– Нет, я понимаю, ёлы-палы, одежа – не фонтан, но твоего размера у меня ничего другого...

– Гена... – Я с улыбкой посмотрел на смущающегося великана. – Если бы ты знал, как я тебе за всё благодарен, ты даже не думал бы ни в чём оправдываться. Одежда – бомба! Честно! Я обязательно верну. Мне только домой поскорее попасть бы. Ждут меня там... Или, наоборот, я жду... Короче, поеду я. Спасибо тебе огромное за всё!

Я подошёл к нему и крепко пожал большую мозолистую руку. Даже обнять хотел, но не решился и просто хлопнул по плечу. Он сунул мне купюру:

– На проезд. А то в электричках сейчас контролёры суровые.

Я ещё раз поблагодарил его и, распрощавшись, хотел было уйти, но, вспомнив известный голливудский фильм о путешественниках во времени, улыбнулся и добавил:

– Наши дома «Бешикташу» четыре мяча заклепают, а турки гол престижа на девяностой смогут отыграть. Делай ставку! Не прогадаешь!

До станции добирался бегом.

Часть вторая. Пластмассовый мир

Ты представить себе не можешь, на что способен человек, который наконец-то понял, что у него нет другого выхода...

Макс Фрай. Наваждения

Если есть вход, то есть и выход. Так устроено почти всё. Ящик для писем, пылесос, зоопарк, чайник... Но, конечно, существуют вещи, устроенные иначе. Например, мышеловка.

Харуки Мураками. Пинбол-1973

Глава 11. Погань

В вагоне было душно, сильно пахло потом. Даже настезь распахнутые форточки не спасали. Несмотря на неподражаемый придурковатый вид, приобретённый благодаря экстравагантной одежде, попутчики на меня особого внимания не обращали. Это вполне устраивало. Я сидел у окна и с удовольствием рассматривал проносящиеся мимо пейзажи, залитые знойным летним солнцем. Создавалось странное впечатление, будто я попал в другой мир. В нём не было места горю и страданиям, разочарованиям и боли. Не было места смерти. Не было места безысходности... Было только солнце, безоблачное небо и жизнь. Я ехал к самым дорогим, самым любимым людям, которых уже не надеялся вернуть. Ещё каких-то полдня назад не надеялся. Да что там! Ещё полдня назад я жить не хотел! И вот теперь, сидя в душном вагоне, я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Этот безумный контраст сводил с ума, подмывал вскочить с места и бежать вприпрыжку по электричке вперёд только затем, чтобы стать хоть немного ближе к дому, который вдруг перестал быть пустым.

Размышляя над всем этим, я улыбался, сам того не замечая. Но, видимо, это заметила грузная женщина, сидевшая напротив и уставившаяся на меня бесцеремонным пристальным взглядом. Ощувив его на себе, я переключил внимание на попутчицу и приветливо улыбнулся ещё шире. Она, не меняя каменного выражения лица, ещё несколько секунд всматривалась, а затем чуть слышно, видимо, чтобы больше никто её слов не расслышал, прошипела:

– На себя посмотри, урод худосочный! – Последние слова она растянула, подчеркнув тем самым особо пренебрежительное ко мне отношение.

Улыбка мигом слетела с довольного лица, и ничего больше, кроме недоумения, я изобразить не смог. Женщина вызывающе подалась всем своим немалым весом в мою сторону и с вызовом, сквозь зубы добавила:

– Чего скалишься, погань? Ты у нас, что ли, идеальный? Ты себя-то в зеркало видел, что с людей тут ржёшь? Урод обдолбанный!

Она демонстративно сплюнула на пол, подняла с пола увесистую сумку и пересела на другое место.

Не понимая, что произошло, я сидел и не знал, как реагировать на такую вопиющую бестактность. Вероятно, она посчитала, что моя улыбка была вызвана её излишним весом? Немного поразмыслив, решил, что доказывать что-то такому человеку просто нет никакого смысла. В любом случае, лучше не предпринимать попыток оправдаться.

Оставшуюся часть пути до города я пялился в окно электрички. Настроение было бесповоротно испорчено, но осталось колоссальное волнение перед встречей. Самой важной встречей в моей жизни.

Раскалённый асфальт привокзальной площади проминался под резиновыми подошвами, которые норовили вот-вот расплавиться. Очень хотелось пить. Скучающие таксисты, завидев толпу, высыпавшую из вагонов, заметно оживились и принялись предлагать свои услуги, монотонно бубня: «Такси, такси, не дорого...» Моя скромная персона была демонстративно проигнорирована. Похоже, здесь свою роль сыграла одежда. В ней я не производил впечатления человека, способного рассчитаться за их услуги, а значит, не было смысла тратить на меня драгоценное время.

Взяв курс к станции метро, я пересёк площадь. Увидел небольшой киоск, на котором большими буквами красовалась соблазнительная надпись «Холодные напитки». Вывернул карманы «варёнок» и подсчитал оставшуюся наличность. На воду деньги были, на проезд до дома тоже хватало. Подойдя к небольшому окошку, постучал:

– Добрый день. Литр холодной без газа, пожалуйста.

Молодая дама с вытравленными добела волосами слегка нахмурилась и переспросила:

– Какой день?

– Добрый, – улыбнулся я ей.

– При чём тут день? – теперь уже равнодушно буркнула она, подала мне запотевшую бутылку и захлопнула дверцу окошка.

«Да уж, – пронеслось в голове, – день, видимо, и вправду не самый добрый».

Я нырнул в прохладу метро и уже через полчаса, не обращая внимания на жару и катящийся по лицу пот, бежал к родному дому по знакомым дворовым тропинкам. Навстречу ковылял пожилой сосед по лестничной клетке Егор Семёнович. Очень добрый, общительный и даже слегка назойливый человек, имеющий привычку при разговоре держать собеседника за руку, чтобы тот не спешил уйти и обязательно дослушал до конца. А слушать его, как правило, приходилось долго. Поэтому, чуть завидев издали его бессменную льняную кепку, я на ходу придумал с десяток причин, по которым не мог говорить и даже приготовился их озвучить. Однако, к моему удивлению, Егор Семёнович бросил на меня равнодушный взгляд и, не ответив на приветствие, молча, проковылял мимо. Ну и ладненько. Так даже лучше.

Пулей взлетел на пятый этаж и замер перед дверью нашей квартиры. Нашей! Она снова была нашей! Пытаясь унять дрожь в руках, до боли в пальцах вдавил кнопку звонка. Из-за двери послышался сначала настороженный рык Филя, а затем и предостерегающий лай. Удивившись такой реакции своего пса, который никогда не злился в подобных случаях, а лишь радостно повизгивал, я ждал. Казалось, это ожидание растянулось в целую вечность. Послышался щелчок замка, дверь открылась. На пороге стояла Маша. Моя Маша. Машка! Моя!

Ноги слегка подкосились, и я вцепился рукой в торец двери, стараясь удержать равновесие. Маша хотела было развернуться, но я тут же бросился к ней и крепко обнял. И без того кружащуюся голову ещё сильнее вскружил запах любимой женщины. Такой родной и приятный запах. А мне думалось, я его уже совсем забыл...

– Николай, что с тобой?! – удивлённо воскликнула Маша, а Фил, злобно зарычав, пару раз гавкнул.

Она стояла, не отвечая на мои объятия, и я, немного придя в себя, открыл глаза. Из детской на меня смотрела Юлька. Дочь сидела на полу, держа в руках любимую куклу, и с удивлением наблюдала за происходящим. Не отпуская Машу из объятий, я посмотрел в её изумлённые глаза и крепко поцеловал, затем отпустил, подбежал к Юльке, упал рядом с ней на пол и, также крепко прижав к себе, принялся покрывать поцелуями, не обращая внимания на угрожающий лай пса.

В комнату вошла Маша:

– Семёнов, что происходит? Что-то случилось? Ты можешь объяснить, наконец?

Я посмотрел на неё, жестом попросил сесть с нами рядом, а когда она села, обнял обеих и, стиснув до скрипа зубы, тихо заплакал.

Глава 12. Жар

Утро встретило робкими лучами летнего солнца, украдкой пробивающимися меж задёрнутых штор спальни. Я рывком оторвал голову от подушки и огляделся. Рядом, свернувшись калачиком, мирно сопела Маша. Фил, уловив едва слышное шуршание постели, поднял насто-рожённую морду и уставился на меня, будто говоря: «Ты чего, хозяин? Я тут! Всё тихо. Всё под контролем».

Я облегчённо вздохнул, откинулся на подушку и попытался выбросить из головы события последних месяцев. В то утро я дал себе слово: навсегда забыть всё, что было до возвращения. Забыть, стереть, уничтожить страшные воспоминания. Гнать их так далеко, насколько это вообще возможно. То, чего мне хотелось более всего, я уже получил. Будучи твёрдо уверенным, что с этого момента жизнь пойдёт иначе, я лежал и неустанно уверял себя не возвращаться к знанию грядущих ближайших месяцев жизни и не использовать эти знания ни в корыстных, ни в каких-либо других целях. Кроме одного единственного дня – первого ноября. Всё остальное – будет по-другому!

Если бы я знал тогда, насколько всё будет по-другому...

Тихо, чтобы не разбудить семью, я прокрался на кухню и заварил крепкий кофе. Через распахнутое настежь окно доносилось пение птиц и негромкое гудение проезжавших вдалеке автомобилей. На часах было пять. Я взглянул на экран Машиного телефона и подумал, что своего у меня теперь нет. Надо будет купить новый и восстановить номер. Обратил внимание на дату: 18 июля 2008 года, пятница. Будний день. Внезапно свалившаяся мысль, что придётся идти на работу, немного шокировала. Я настолько отвык от нормальной жизни, что такой простой факт, как необходимость зарабатывать деньги, показался мне чем-то неестественным и даже отталкивающим.

Нет, у меня была хорошая работа. Не выдающаяся, конечно, но всё же позволявшая сносно зарабатывать. За последние два с лишним года я добился неплохих успехов и солидно продвинулся по карьерной лестнице, возглавив крупное подразделение в одном динамично развивающемся коммерческом банке. Не могу сказать, что эта профессия была для меня вершиной мечтаний и чаяний, но труд приносил свои плоды и не давал испытывать больших материальных сложностей, что в наше время уже неплохо.

Пришлось хорошенько напрячься, чтобы для начала восстановить в памяти имена коллег и руководителей. Затем копнул глубже и принялся вспоминать, какие именно контракты и проекты реализовывались в июле. С удивлением отметил, что цепочка воспоминаний всё больше обретает ясность, возрождая в памяти даже незначительные подробности. Я возвращался... И это было приятно.

Из детской послышались негромкие шлепки босых ножек, на кухню вышла Юлька. Её рыжие непослушные кудряшки торчали в разные стороны, а маленькие пухлые кулачки потирали заспанные глазки. Она сладко зевнула и спросила:

– А почему ты не спишь?

– Выспался уже, зайка. Скоро на работу буду собираться. А ты почему так рано встала?

– Чтобы зубы почистить. Мама говорит, что зубы нужно чистить каждое утро, а то болеть будут. – И она зашлёпала в ванную и зашумела водой.

Я улыбнулся и с удивлением отметил, что дочь впервые самостоятельно решила встать пораньше, чтобы успеть умыться. «Взрослеет девочка», – подумалось мне, но тут же собственный мозг предательски напомнил те снежинки, которые не таяли на лицах...

По дороге на работу я заехал в салон сотовой связи, купил недорогой телефон и восстановил симку. Охранник в банке, лишь на миг оторвавшись от утренней газеты, бросил на меня беглый взгляд и, не здороваясь, снова принялся за чтение. «Кажется, я начинаю к этому при-

выкатать», – хмыкнул я, но особого значения малоприятному факту в очередной раз не придал. Войдя в свой кабинет и усевшись в привычное кресло, откинулся на спинку. Сосредоточился, чтобы вспомнить пароль от рабочего компьютера, и первым делом перенёс все свои контакты из компьютера в новый мобильник. Вот теперь всё в порядке!

В дверь постучали, и скоро кабинет стал наполняться галдящими коллегами, собиравшимися на привычную утреннюю планёрку. Я радостно приветствовал каждого, кто входил, весёлыми шутками. В ответ они только удивлённо переглядывались между собой и, ничего не отвечая, усаживались в кресла с противоположной стороны стола. Возникло ощущение, что я здесь лишний. Сделав вид, будто занят чем-то очень важным, я молча уставился в монитор компьютера, изредка нажимая на кнопку мыши.

Мой зам начал совещание. Я слушал... Заёмщики, фамилии клиентов, споры о предметах залога, проблемная задолженность... Я знал всё обо всех обсуждаемых проблемах! Мало того, я прекрасно знал, как эти проблемы решать. Не понимал, как решать, а именно знал. Да что там! Я помнил, как мы их решали и к чему это в итоге приводило! Знал, что ООО «Стелс» так и не откроет текущий счёт в нашем банке, а владелец ЧП «Кластер», два месяца кряду добивавшийся получения крупного кредита, внезапно исчезнет вместе с семьёй на следующий же день после перечисления суммы займа. Я помнил о колебаниях курсов валют, которые из-за экономического кризиса, разразившегося накануне, вызывали панику. Я всё это знал! И мне стало невыносимо скучно.

Это был самый долгий рабочий день в моей жизни, а ближе к вечеру я почувствовал, что болеваю. Поднялась температура, дышать становилось всё труднее, а рубашка промокла от пота и прилипла к спине.

Я написал заявление об уходе, занёс его в отдел кадров и, под недоумённые взгляды коллег, собрал вещи, вызвал такси и поспешил домой. В машине стало совсем плохо. Бил сильный озноб, в груди горело. Я осла бил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Таксист, заметив моё состояние, остановил машину и буркнул:

– Приехали. Не хватало грипп среди лета подхватить...

Я посмотрел на него, стараясь убедиться, не шутит ли он, но тот отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

– Послушайте, – надеясь всё же убедить его довезти меня до дома, начал я, – со мной всё нормально, просто чуток устал...

– Послушай ты меня, уважаемый! – повысив голос и отчаянно жестикулируя, перебил таксист. – Имею право! Если больной, вызывай скорую помощь и езжай в больницу. А мне работать надо. Чё сидишь? Вали давай! Или помочь?

Он угрожающе развернулся всем корпусом в мою сторону, и я решил не продолжать эту бесполезную дискуссию. Открыл дверь, взял пакет с вещами и просто выпал на тротуар. Из пакета вывалились офисные принадлежности и рассыпались на горячем асфальте. Не в силах подняться на ноги, я зашёлся в удушающем кашле. Мимо шли прохожие, периодически бросающие на меня равнодушные презрительные взгляды, а один зазевавшийся мужчина, ударившись коленом о мою голову, негромко ругнулся, нервно пнул лежащий рядом ежедневник и зашагал прочь.

Я с трудом вытащил из кармана мобильник и набрал номер Маши:

– Аллю?

– Маш, мне плохо что-то. Заболел... – говорить было очень тяжело, приходилось выдавливать каждое слово, преодолевая боль в груди.

– А что с тобой? И где ты вообще?

– На перекрёстке Пушкинской и Кирова. У меня сильный жар, дышать тяжело. Приезжай скорее...

– Ну, так вызови скорую помощь! Им за это деньги платят. Я-то тебе чем помочь могу? – возмутилась жена.

– Что? – не поверив услышанному, прошептал я, но она уже бросила трубку, обрывая разговор.

– Послышалось, – вслух прошептал я. – Просто послышалось... А звонок сорвался... Сорвался...

Хотел было ещё раз позвонить Маше, но, чувствуя, что становится хуже, набрал номер скорой, продиктовал адрес дома, стоящего неподалёку, и потерял сознание.

Глава 13. Пустота

Неделю я провёл в реанимации, с трудом различая, где реальность, а где сон или галлюцинации. Порой мне казалось, что я лежу на поверхности большой воды, плавно покачиваясь на её волнах, и это продолжается целую вечность. Но вдруг накрывала ледяная волна, обжигала всё тело, заливалась плотным потоком в рот и в нос, не давая сделать вдох. Я кашлял, пытался звать на помощь и, не дожидаясь её, проваливался в забытье, а приходя в сознание, нередко слышал шёпот, сильно напоминавший тот самый, болотный...

Машу я увидел только после того, как состояние немного стабилизировалось и меня перевели из реанимационного отделения в терапевтическое. Она вошла в палату, слегка поморщилась и неспешно подошла к кровати.

– Как ты себя чувствуешь? – Голос звучал сухо и безучастно, словно ответ на задаваемый вопрос её совершенно не интересовал.

– Уже лучше, – стараясь говорить тем же сухим голосом, ответил я.

– Хорошо.

– Хорошо, – вторил я ей.

Зависла пауза. Она посмотрела в окно, и у меня возникло впечатление, что единственное, о чём она сейчас думает, – это как бы поскорее отсюда уйти.

– Я могу что-нибудь для тебя сделать? Может, есть какие-нибудь вопросы ко мне? Пожелания?

Я почувствовал, что закипаю. Меня наконец начало выводить из равновесия это поведение. Это отношение ко мне. Чем я заслужил такую холодность? Тем, что пошёл на смерть ради неё?! Или тем, что люблю их с Юлькой больше жизни?! Хотел было вспылить, но вовремя сдержал порыв гнева, глубоко вздохнул и спокойно ответил:

– Есть вопросы. Присядь, пожалуйста.

Она уселась на соседнюю кровать, положила на колени сумочку, сложила руки замком и, склонив голову набок, внимала.

– Маш, что происходит? – спросил я и приготовился услышать в ответ то, о чём подозревал, но в чём не осмеливался признаться самому себе.

Однако, вместо прямого ответа, она вскинула бровии даже оглянулась по сторонам. По всему было видно, что мой вопрос либо вызвал у неё удивление, либо она очень талантливо играла, стараясь уйти от ответа.

– А что происходит? Ты о чём-то конкретном говоришь?

– Ну, это я хотел бы от тебя узнать. Есть ли вообще какое-то конкретное объяснение тому, что между нами происходит? Объяснение твоему поведению.

– Послушай, Николай, ты менястораживаешь. Я что-то делаю не так? Ты скажи. Если тебя что-то не устраивает, ты говори прямо, не юли. Я не в настроении, чтобы твои загадки разгадывать.

– Загадки? Да какие тут загадки, Маш? Для меня сейчас единственная загадка – это снежная королева, сидящая на соседней койке! – Я переставал контролировать своё негодование и говорил всё громче. – Я тебя не узнаю! Ты ведёшь себя так, будто мы с тобой не муж и жена, а чёрт знает кто вообще!

– Будь добр, муж, – последнее слово она намеренно выделила надменной интонацией, – выдерживай такт. Я не намерена выяснять с тобой отношения в таком тоне. И коль уж ты заговорил о странном поведении, то потрудись объяснить свою недавнюю выходку, когда ты явился домой в каких-то обносках и насмерть перепугал ребёнка.

Я осёкся. Неужели причина в этом?

– У меня был трудный день, – не зная, как ещё объяснить ей своё поведение, пробубнил я. – Очень трудный. Просто поверь...

Она нахмурилась.

– То есть ты хочешь сказать, что у тебя был трудный день, и это даёт тебе право приходить домой и вываливать свои проблемы на меня и на ребёнка. Так?

– Вываливать свои проблемы? Да я соскучился по вас, дура! Я чуть не издох в тот день! И если бы не это... – Я вовремя осёкся и стиснул зубы, чтобы не наговорить лишнего.

– Значит так, супруг! Хочу, чтобы ты понял раз и навсегда: ни я, ни Юлия – мы не твоя собственность! Ты не имеешь права использовать нас ни в качестве твоих личных психологов, ни в качестве твоих медиков, спасателей, домохозяек или ещё кого-то там. И мы не какие-нибудь вещи, чтобы по нам скучать. Мы – твоя семья. У каждого – свои обязанности и мера ответственности. Моя функция – родить ребёнка и воспитывать. Твоя – обеспечивать семью и принимать участие в воспитании дочери. Это наши с тобой обязанности! И больше никаких обязательств друг перед другом у нас нет и быть не может. Даже секс вторичен! Если ты до сих пор это не уяснил, я сегодня же обращусь к юристу, и он подготовит брачный контракт. Расходы беру на себя. Ты ведь у нас теперь безработный, не так ли?

Я с отвисшей челюстью слушал её монолог. Эта чудовищная циничная тирада каждым сказанным словом, словно тяжёлым молотом, ударяла снова и снова, не давая возможности прийти в себя. И самым чудовищным в её словах было то, что всё сказанное было логичным и правильным. Не поспоришь! За исключением единственного обстоятельства. Одного, но самого важного обстоятельства. Она не брала в расчёт любовь...

– Звонил Самойленко, сказал, что ты написал заявление и, никому ничего не объяснив, ушёл. Мне ты ничего не хочешь объяснить?

– Нет, – только и ответил я ей.

– А мог бы потрудиться... – вцепилась она в меня холодным взглядом. – И как теперь ты намерен зарабатывать деньги? Меня не устраивает перспектива обеспечивать нас самостоятельно. А судя по твоим заскокам, теперь ещё и на психолога придётся тратиться. Или даже на психиатра.

Всё это время она сидела на больничной койке с ровной спиной, не меняя позы. Её речь была взвешенной и беспристрастной, каждое слово чеканилось, словно металлические монеты под тяжёлыми ударами штампера. Это была Маша. Её тело, её волосы, глаза, её голос и даже запах. Это, безусловно, была она. И она была живой, настоящей. Вот только внутри не было ровным счётом ничего. Холодная, космическая пустота. Вакуум.

Только сейчас я начал подозревать, что ничего на самом деле у меня не получилось. Я так и не смог вернуть то, что утратил однажды.

Женщина в электричке, продавец в киоске, таксист, люди, шагающие мимо умирающего человека и не стремящиеся ему помочь... Даже Филька не обрадовался моему приходу! Я попал в пустой мир. В нём люди даже не здороваются друг с другом, потому что никто никому не желает здравствия. Я не понимал, что именно здесь было не так. Отсутствие любви? Сострадания? Самопожертвования? Или, может, отсутствие души?

– Где Юля?

– В саду. Где ей ещё быть? Ты от вопроса не уходи. Где работать намерен?

– Она такая же?

– Какая такая? – раздражённо рявкнула Маша.

– Такая же, как ты?

Она скривилась и посмотрела на меня так, будто я был ей не мужем, а кучей дерьма, испачкавшей её дорогие итальянские туфли.

– Уходи. – Я уставился в потолок, не желая больше ни говорить с ней, ни видеть её.

– Семёнов, что за бред ты несёшь?

– Пошла вон! – сквозь зубы процедил я, сжимая кулаки.

Она поднялась и немного постояла надо мной, будто размышляя над чем-то. Затем развернулась и, громко цокая высокими каблуками, пошла к двери. Уже в проёме обернулась и небрежно бросила:

– Пса я усыпила. Слишком дорого обходилось содержание. На одну зарплату не потянем.

Хлопнула дверь. Ещё несколько мгновений я держал себя в руках, а дав волю чувствам, с диким рёвом приложился кулаком по прикроватной тумбочке. На пол со звоном посыпались пузырьки и ампулы с лекарствами.

Глава 14. Я вас любил...

В палате воцарилась тишина. Я глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, взять себя в руки, и с удивлением отметил, что не испытываю того испепеляющего чувства очередной утраты, которое пережил в тот вечер, первого ноября две тысячи восьмого. Сейчас, лёжа в больничной койке под капельницей с антибиотиками, я прекрасно отдавал себе отчёт, что не смог вернуть навсегда утраченных людей, но в то же время ощутил совсем уж неуместное чувство – чувство умиротворения. С первого дня пребывания в этом чужом мире я подозревал, что с ним что-то не так, но усердно старался закрывать на это глаза, не придавал значения. Куда как важнее было то, что жена и дочь снова со мной, снова живы. Но как бы я ни старался избавиться от этого назойливого ощущения, оно всё равно зудело где-то в глубинах рассудка. А теперь всё встало на свои места и стало легче...

Мои размышления прервала вошедшая в палату мед сестра-практикантка. Довольно миловидная особа, которая несколько минут назад ставила мне капельницу. Она убрала осколки битых пузырьков, подала мне термометр и собралась уйти, но я её окликнул:

– Простите, вы не могли бы уделить мне несколько минут?

– Что-то случилось?

– Нет, всё нормально. Просто я хотел бы задать вам один... деликатный вопрос.

Она удивлённо вскинула брови и с интересом посмотрела на меня.

– Скажите, если бы я сказал, что люблю вас, что вы обо мне подумали бы?

Её красивые брови подскочили ещё выше, округляя и без того большие глаза, она улыбнулась:

– Не поняла... Это угроза?

– Ну почему же угроза? Совсем не угроза...

Но она перебила:

– Семёнов, вы только что сказали, что убьёте меня и говорите, что не угрожаете?

– Да не убью я, господи! Люблю!

Девушка нахмурилась, пытаясь переварить мой вопрос.

– Не знаю, о чём вы, Семёнов, но, думаю, вам нужно отдохнуть... – Она развернулась, давая понять, что разговор окончен, но я опять окликнул её:

– Да не уставший я! Выслушайте, прошу вас.

Она остановилась, откидывая голову назад и глубоко вздохнув, снова обернулась в мою сторону:

– Вам скучно, Семёнов? Я здесь не для развлечений, между прочим. Мне работать надо.

– Да я много времени не отниму. Честно. Ответьте. Что подумали бы обо мне?

– Подумала бы, что вы сумасшедший.

– Почему?

– Что значит «почему»? Вы хотите, чтобы я вам прочла лекцию о нерациональном поведении? Я бы поставила вам диагноз СПС.

– Это ещё что такое?

– Не прикидывайтесь, Семёнов. У вас плохо получается.

– Нет, серьёзно. Что такое «СПС»?

– Синдром повышенной сензитивности. Психическое расстройство такое. Ещё вопросы есть? Или, может, вам романтическое свидание устроить?

– Нет, спасибо. У меня последний вопрос: если бы вы от кого-нибудь узнали, что где-то умирает ребёнок, нуждающийся в немедленной пересадке... – Я ненадолго задумался, подбирая варианты. – Да что там в пересадке... хотя бы в переливании крови, а у вас была бы как раз нужная группа, как бы вы в этой ситуации поступили?

– Это зависело бы от многих факторов... – задумчиво проговорила медсестра, начиная наконец проявлять интерес к разговору. – Думаю, вышла бы на его родителей.

Во мне затеплилась надежда, и я приподнялся с подушки, опираясь на локоть:

– Так! И?.. – заставляя развивать мысль, спросил я.

– Что «и»? Если их ребёнку нужна кровь, а у меня она есть, значит, они заинтересованы в её приобретении. Небольшое количество я бы им продала. Но только в том случае, если это не навредит моему здоровью. А у вас есть нуждающийся в крови ребёнок?

Я разочарованно опустил голову и, отрицательно ею покачав, поблагодарил за беседу. Она хмыкнула и молча вышла. К ней вопросов больше не было. Впрочем, как и ко всем остальным семи миллиардам жителей планеты.

Хотя! Меня внезапно посетила настолько волнующая мысль, что я чуть не вскочил с кровати, забыв о воткнутых в руки иглах капельниц. Есть в этом мире по крайней мере один человек, который также, как и я попал сюда из другой жизни! Из другого мира, другого измерения! И уж он-то точно отличается от всех! Взять хотя бы то, что он помог мне с одеждой и деньгами! Бескорыстно!

Спешно выдернув торчащие из рук иглы, я встал с кровати и принялся осматривать палату в поисках своей одежды. Нашёл её в пакете с принадлежностями, который забрал из своего рабочего кабинета. Проверив карманы, с удивлением отметил, что наличные и пластиковые карты были на месте. Кое-как отчистив белую рубашку от пыли, оделся и опасливо выглянул в коридор. Он был пуст. Когда я был уже почти у выхода на лестничную клетку, услышал позади голос медсестры:

– Семёнов! Вы куда! Вам вставать нельзя!

Я улыбнулся ей в ответ и бросил на прощание:

– Я вас любил, любовь ещё быть может! Аривидерчи, моя заботливая леди! – И, в очередной раз уверив её в своей неменяемости, засеменял вниз по ступеням.

Судя по тому, как вёл себя Гена, когда я пришёл к нему с поля, пустота этого мира на него нисколько не повлияла. То есть повлияла, конечно, в какой-то мере, но всё же он остался нормальным полноценным человеком. Он сильно отличался от остальных. Это не бросалось в глаза, но я был уверен, что никто из «местных» даже не задумался бы о том, чтобы дать мне одежду, не говоря уже о деньгах на дорогу. Скажу больше: даже если бы я попросил у кого-то одежду и деньги, меня, в лучшем случае, послали бы на три буквы. А Гена дал! Сам!

Выходя из здания больницы в духоту июльского полудня, я думал только об одном: нужно поскорее добраться до Гены и подробно расспросить его обо всём. Я был уверен, что вижу не полную картину. Должна была быть какая-то лазейка, какая-то мелочь, которую я до сих пор не заметил. Что-то, что ускользнуло от меня, пока я отвлекался на несоответствия.

Поймал такси и через полчаса стоял в небольшой очереди у железнодорожной кассы пригородного сообщения. В нетерпении перетаптывался с ноги на ногу, раздражаясь, как медленно кассир обслуживает покупателей. Электричка должна отправиться с минуты на минуту, а дожидаться следующую я просто не смог бы – лопнул бы от нетерпения.

Прямо передо мной в очереди стояла полная мамаша с непоседливым забавным мальчуганом лет трёх-четырёх, который ни секунды не стоял на месте. Он беспрестанно кружился, подпрыгивал, приседал и даже падал на затоптанный пол вокзала, распевая при этом какие-то лишь ему одному известные песенки на ему одному известном языке. Точнее, это был и не язык вовсе, а просто набор ничего не значащих слогов, которые он ловко складывал в четверостишия. Надо признать, получалось неплохо – рифма в его «песнях» присутствовала, да даже и мотив прослеживался весёленький. Мать то и дело одёргивала сынишку, хватала за шиворот, но юркий непоседа ловко выкручивался и тут же принимался за старое.

Я улыбнулся. В этот момент мальчик посмотрел на меня. Смутившись, а может, даже немного испугавшись, понурил голову и торопливо подошёл к маме. Когда она положила

ладонь на хрупкое плечо, он отвернулся от меня, обхватил обеими ручонками внушительных размеров бедро матери и прижался. Я снова улыбнулся. Глядя на этого малыша, удалось ненадолго забыть о том, где нахожусь, а когда поймал себя на этой мысли, чуть не подпрыгнул от свалившейся догадки! Мальчик снова посмотрел на меня и теперь тоже улыбался. Я присел на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с ним, и тихо, чтобы никто не услышал, спросил:

– Привет. Тебя как зовут?

Тот задрал голову кверху, взглянув на мать, которая сейчас не обращала на него никакого внимания, затем снова посмотрел на меня и также шёпотом ответил:

– Июса.

– Илюша?

Мальчик кивнул.

– А сколько тебе лет, Илюша?

Он вытянул вперёд пухлую ручонку, сжатую в маленький кулачок, выбросил вверх четыре пальчика, растопыривая их в разные стороны, и с гордостью заявил:

– Два! – На лице заиграла довольная улыбка, красноречиво подтверждающая, что он очень гордится тем, что знает ответ на взрослый вопрос.

– Ух ты! Большой уже! И умный. Молодец!

Я не лукавил. Малыш и впрямь мне очень импонировал. Видимо, он это почувствовал и, отпустив мамино бедро, тоже присел на корточки, подражая взрослому дяде. Теперь его широкая улыбка открывала два ряда мелких молочных зубов.

– А маму ты любишь, Илюша? – спросил я нарочито будничным тоном, но при этом почувствовал, как от волнения кровь стучит в висках, а согнутые в коленях ноги наливаются горячим свинцом.

– Да-а-а... – протянул мальчик, – юбью.

– Правда?

Он утвердительно кивнул и даже зажмурился для убедительности.

– А мама тебя любит?

Малыш снова посмотрел на стоящую в очереди мать и пожал плечами. Я подумал, что мальчик просто может не понимать, о чём я его спрашиваю. И для того, чтобы убедиться, что ребёнок ответил осознанно, попросил:

– А можешь показать, как сильно ты маму любишь?

Он не стал дожидаться повторной просьбы, быстро обхватил мамино бедро, прижался к нему щекой и насколько мог сильно сжал маленькие ручки. При этом его глаза блаженно прикрылись, а на губах засияла не менее блаженная улыбка. В этот момент рука женщины ласково погладила мальчика по голове. Скорее машинально, нежели осознанно.

Меня бросило в пот. Сердце заколотилось ещё сильнее. А когда малыш от переполнявших его чувств поцеловал мамину юбку, я чуть не плюхнулся на пятую точку.

Дети! Боже мой! Дети!!! Они чувствуют! Они любят! По-настоящему! Искренне!

Юлька!!!

Забыв попрощаться с новым знакомцем, я поднялся и сделал глубокий вдох, чтобы выровнять сбившееся дыхание. В глазах всё плыло. То ли от жары, то ли от нахлынувшей надежды. Бросил взгляд на вокзальные часы. Отметил, что в детском саду тихий час. Но к тому времени, как я смогу туда добраться, детей как раз усадят полдничать, после чего Юльку можно будет забрать домой. О поездке к Гене я теперь даже не задумывался. Мне нужно было срочно повидаться с дочерью и убедиться, что Илюша – не единственный ребёнок, имеющий настоящую душу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.